

SAVE

МОНА КАСТЕН

US

СПАСИ НАС

Макстон-холл. Романтическая трилогия Моны Кастен

Мона Кастен

Спаси нас

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44

Кастен М.

Спаси нас / М. Кастен — «Эксмо», 2018 — (Макстон-холл.
Романтическая трилогия Моны Кастен)

ISBN 978-5-04-110069-8

Они из разных миров. И все же они предназначены друг для друга. Руби и Джеймс думали, что преодолели все препятствия на пути к счастью, но это не так. Теперь они вынуждены защищать свои отношения от друзей и родных. Кажется, что катастрофа неизбежна, им никогда уже не быть вместе, но спасение приходит от мамы Джеймса. Она оставляет подсказку... Подсказку, разгадать которую под силу только ему.

УДК 821.112.2-31

ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-04-110069-8

© Кастен М., 2018

© Эксмо, 2018

Содержание

1	6
2	12
3	17
4	24
5	29
6	33
7	40
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Мона Кастен Спаси нас

Mona Kasten
SAVE US

© Приймак А., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. «Издательство «ЭКСМО», 2020

* * *

Посвящается Анне

*Doesn't today feel like a day to be certain?
Certain, yet to decide.
Gersey, A Day To Be Certain*

1

Грэхем

Мой дед раньше всегда спрашивал меня: «Если настанет день, когда ты все потеряешь – что будешь делать?» Я никогда всерьез не обдумывал этот вопрос и всякий раз отвечал первое, что в тот момент приходило в голову.

Когда мне было шесть лет и брат умышленно сломал наш игрушечный экскаватор, мой ответ выглядел так: *Тогда я почию экскаватор.*

В десять, когда мы переехали из Манчестера в пригород Лондона, я упрямо твердил: *Тогда я найду себе новых друзей.*

А когда умерла мама, я, семнадцатилетний, пытался быть сильным для моих отца и брата и все повторял: *Мы справимся.*

Даже тогда я не сдавался.

Но вот теперь, в мои почти двадцать четыре, в этом кабинете, где я вдруг почувствовал себя каким-то преступником, у меня не было ответа. Моя ситуация казалась мне безвыходной, а будущее неопределенным. Я не знаю, что теперь будет.

Я выдвинул скрипучий ящик тяжелого письменного стола вишневого дерева и достал оттуда ручки и записные книжки, сгруженные туда в прошлом году. Мои движения заторможенные, руки будто налиты свинцом. Притом надо спешить: я должен покинуть здание до конца обеденного перерыва.

Вы уволены безотлагательно. Я запрещаю Вам любой контакт с учащимися Макстон-холла. В случае нарушения этого запрета на Вас будет подано заявление в полицию.

Ручки выпали у меня из рук и со стуком упали на пол.

Проклятье.

Я наклонился, собрал их и небрежно бросил в коробку, куда уже поместил остальные пожитки. Это дикая неразбериха из учебников, записок, старого глобуса моего деда и методических материалов, которые я скопировал на завтра и теперь, собственно, мог бы их выбросить, но рука не поднимается.

Я окинул кабинет быстрым взглядом. Полки пустые, только лежащие на столе обрывки бумаги напоминают о том, что еще несколько часов назад я здесь работал.

Ты сам виноват, – звучит в голове чей-то злобный голос.

Я потер пульсирующие виски и еще раз проверил все выдвижные ящики и отделения в письменном столе. Я не должен затягивать свое прощание дольше, чем необходимо, но расстаться с этим местом стоит мне больших сил, чем я мог подумать. Я еще несколько недель назад принял решение искать работу в другой школе, чтобы можно было видеться с Лидией. Однако есть огромная разница – уходишь ты на своих условиях или же тебя выводит наружу служба безопасности.

Я сглотнул обиду и снял пальто с деревянной вешалки. Машинально надел его, подхватил коробку и пошел к двери. Не оглядываясь, я вышел из кабинета.

В моей голове крутилась куча вопросов: *Знает ли об этом Лидия? Как она себя чувствует? Когда я теперь ее снова увижу? Что мне теперь делать? Примут ли меня на работу в школу? А что, если нет?*

Ни на один из них я не мог ответить. Вместо этого я вытеснил поднышающую внутри панику и пошел по коридору в сторону секретариата, чтобы сдать ключи. Мимо меня пробежали ученики, некоторые приветливо здоровались. Болезненные покалывания наполнили все

мои внутренности. Мне с трудом удалось отвечать на встречные улыбки. Преподавать здесь доставляло мне огромное удовольствие.

Я свернул в холл секретариата, и тут на меня будто опрокинули ушат холодной воды. Я остановился так резко, что сзади на меня кто-то наткнулся и пробормотал извинения. Но я едва различал слова – мой взгляд был устремлен на рослого русоволосого молодого человека, которому я обязан всей этой ситуацией.

Джеймс Бофорт и глазом не повел, увидев меня. Напротив, вид его показался мне вполне безучастным, как будто не он только что разрушил мою жизнь.

Я знал, на что он способен. И понимал, что это плохая идея – вступать с ним в конфликт. «Он и его друзья непредсказуемы, – предупреждал меня Лексингтон в мой первый день в школе. – Примите это в расчет». Я тогда почти не придавал его словам значения, потому что уже знал другую сторону истории. Лидия рассказала мне, как сильно этот мальчик страдает от своей семьи, как он замкнут даже перед своей сестрой.

Оглядываясь назад, я чувствую себя идиотом, потому что не был осторожнее. Мне следовало бы помнить: Джеймс сделает для Лидии все. Вероятно, крах моей карьеры в его распорядке дня не более чем пустяк.

Рядом с Джеймсом стоял Сирил Вега, которому мне, к счастью, не приходилось преподавать. Не знаю, удалось бы тогда оставаться в рамках профессиональной этики. Всякий раз при виде него перед глазами возникает картина – он рядом с Лидией. Как они вместе выходят из школы и садятся в «Роллс-Ройс». Как они смеются над чем-то. Как он обнимает ее и утешает после смерти матери, а ведь я этого сделать не мог.

После короткой паузы я стиснул зубы и продолжил свой путь, зажав коробку под мышкой. Держа руку в кармане, я все ближе подходил к ним. Они прервали свой разговор и посмотрели на меня, а лица их превратились в две непроницаемые маски.

Перед дверью секретариата я остановился и повернулся к Джеймсу:

– Теперь ты доволен?

Он не выказал никакой эмоции, и это еще больше подогрело кипевшую во мне ярость.

– О чем вы вообще думали? – спросил я, требовательно глядя на него. Он снова не ответил. – Вы понимаете, что своими детскими проказами разрушаете чужие жизни?

Джеймс переглянулся с Сирилом, и его щеки зарумянились – в точности как у Лидии, когда она сердится. Они так похожи между собой, при этом, на мой взгляд, трудно представить себе двух более разных людей.

– Об этом вам надо было думать раньше, – рявкнул Сирил.

Его глаза сверкнули еще большей яростью, чем глаза Джеймса, и мне в голову пришла мысль, что они, вероятно, сообща разрабатывали план, как вышвырнуть меня из школы.

Взгляд Сирила не оставлял никаких сомнений в том, что из нас двоих только он располагает властью. Он может сделать со мной все, и совершенно неважно, что я старше его. Он выиграл. Победа была написана у него на лице и отражалась в его гордой осанке.

Я удрученно рассмеялся.

– Меня удивляет, что вы еще можете смеяться, – продолжил он. – Все кончено. Вы избыточны, это вам, собственно, ясно?

Я стиснул связку ключей так крепко, что металлическая бородка врезалась мне в кожу. Неужели этот богатый негодяй действительно думает, что я надеялся на справедливость? Не знал, что никого не интересуется, где и когда мы с Лидией познакомились? Что нам никто не поверит, если мы будем уверять, что любили друг друга еще до моего прихода в Макстон-холл? И мы прекратили наши отношения в тот момент, когда узнали, что я стану ее учителем? Разумеется, я это знаю. Отныне и впредь я стану тем мерзким типом, который в самом начале своей учительской карьеры завел шашни со школьницей.

От этой мысли стало дурно.

Не удостоив их обоих еще одного взгляда, я пошел в секретариат. Достал из кармана ключ от своего старого кабинета, со стуком положил его на стойку и развернулся. Проходя мимо этих парней снова, я краем глаза увидел, как Сирил сунул в руку Джеймсу телефон.

– Спасибо за это, старик, – сказал он, а я как можно быстрее направился к выходу.

Лишь попутно я отметил, что Джеймс заговорил в полный голос.

Каждый шаг причинял мне боль, каждый вдох казался невыполнимой задачей. В ушах стоял гул, который почти заглушил все остальные шумы. Смех учеников, их громкие шаги, скрип двустворчатой двери, через которую я покидаю Макстон-холл и уйду в неизвестность.

Руби

Меня будто оглушили.

Когда водитель автобуса сказала, что мы прибыли на конечную остановку, я даже не сразу поняла, что это вообще означает – пока мне не стало ясно, что я должна выйти, если не хочу уехать назад, в Пемвик. Я не помню последние сорок пять минут, так сильно была погружена в свои мысли.

Мои конечности казались одновременно и тяжелыми, и легкими, когда я сошла по ступенькам автобуса и вышла наружу. Я крепко держалась обеими руками за ремни рюкзака, как будто они давали мне силу. К сожалению, это не помогало избавиться от чувства, будто я попала внутрь смерча, из которого невозможно вырваться, и уже не понимала, где верх и где низ.

Не может быть, чтобы все это произошло на самом деле. Не может быть, чтобы меня вышвырнули из школы. Не может быть, чтобы мама поверила, будто я способна на интрижку с учителем. Не может быть, чтобы моя мечта об Оксфорде растворилась в воздухе.

Мне казалось, я теряю рассудок. Мое дыхание учащается, а пальцы судорожно сжимаются. Я чувствую, как пот стекает по спине, и вместе с тем все тело покрыто гусиной кожей. Кружится голова. Я закрыла глаза и попыталась хоть как-то успокоить дыхание.

Когда я снова открыла их, уже не было такого чувства, будто меня того и гляди вырвет. Впервые после того, как я вышла из автобуса, мир вокруг наконец прояснился. Я проехала на три остановки дальше и нахожусь на другом конце Гормси. В нормальных обстоятельствах я бы ужасно разозлилась на себя. Но я испытывала чуть ли не облегчение, потому что никак не могла появиться дома. После того как мама смотрела на меня такими глазами.

Есть только один человек, с которым я хотела бы сейчас поговорить. Единственный человек, которому я безусловно доверяю и который точно знает, что ничего такого я никогда бы не сделала.

Эмбер.

Я пошла в сторону местной школы. До конца уроков оставалось чуть-чуть, несколько школьников из младших классов шли мне навстречу. Группа мальчишек пыталась столкнуть какого-то бедолагу с узкого тротуара в кусты. Увидев меня, они прекратили возню и прошли мимо, опустив головы, как будто боялись, что я могу наказать их за плохое поведение.

Чем ближе я подходила к школе Гормси, тем страннее себя чувствовала. Два с половиной года назад я сама посещала эту школу. И хотя я не тосковала по тому времени, но снова очутиться здесь все равно что совершить экскурсию в прошлое. Только никто не повернется в мою сторону и не посмотрит на меня, потому что я в форме частной школы.

Я поднялась по ступеням ко входу. Стены здания, которые предположительно были когда-то побелены, теперь пожелтели, с оконных рам облетела краска. Было очевидно, что в последние годы деньги не текли в эту школу рекой.

Я протискивалась мимо школьников, которые рвались наружу встречным потоком, и искала среди их лиц хоть одно знакомое. Вскоре я заметила девушку с двумя косами, заплетенными вокруг головы, выходящую из школы вдвоем с парнем.

– Мэйси! – окликнула я.

Мэйси остановилась в поисках того, кто ее позвал. Заметив меня, она вопросительно подняла брови, дала знак своему другу подождать ее и стала пробираться ко мне.

– Руби, – приветствовала она меня. – Хей. Как дела?

– Ты не знаешь, где Эмбер? – спросила я. Голос мой звучал совершенно нормально, и я сама удивилась, как такое может быть, ведь я чувствую себя такой сломленной.

– Я думала, Эмбер заболела, – ответила Мэйси, наморщив лоб. – Ее сегодня нет в школе.

– Что?

Этого быть не могло. И я, и Эмбер утром вышли из дома в одно и то же время. Если она не была в школе, то куда же, черт возьми, она пошла?

– Она написала, что лежит в постели с большим горлом. – Мэйси пожала плечами и посмотрела через плечо в сторону своего друга. – Наверное, она дома, и вы просто разминувшись. Слушай, у меня сейчас встреча. Ничего, если я?..

Я быстро кивнула:

– Конечно. Спасибо.

Она помахала мне еще раз, потом спустилась по лестнице и взяла своего спутника под руку. Я смотрела им вслед, пока мои мысли захлестывали друг друга. Если бы у Эмбер правда болело горло, я бы об этом знала. Она не выглядела больной и не вела себя странно. За завтраком все было как обычно.

Я достала из кармана телефон. На дисплее отражалось три пропущенных звонка от Джеймса. Я быстро стерла уведомление.

Это я сделал те снимки, – его голос так и звучал в голове, но я пыталась игнорировать тяжелое чувство у себя в груди. Я перешла в избранное и кликнула на имя Эмбер. Пошли гудки, значит, ее телефон не отключен. Правда, она не взяла трубку даже после десятого гудка. Я сбросила вызов и открыла новое сообщение.

Пожалуйста, перезвони. Мне срочно нужно с тобой поговорить.

Отослала его и снова сунула телефон в карман, потом спустилась по лестнице и еще раз оглянулась на школу. Я чувствовала себя совсем не на месте. Не оставалось никаких сомнений: я здесь чужая. Но так же теперь и с Макстон-холлом.

Я теперь везде чужая, пронеслось у меня в голове.

С этой мыслью я покинула территорию школы. Не задумываясь, свернула налево и пошла в сторону жилого квартала, хотя домой хотелось идти в последнюю очередь. Я не вынесу, если мама еще раз посмотрит на меня таким разочарованным взглядом, как в кабинете Лексингтона.

Произошедшее проматывалось в голове длинной лентой, как в кино. Снова и снова я слышала голос ректора. Как он несколькими словами отнял мое будущее, все, на что я упорно работала последние несколько лет.

Пока я еле ползла мимо ряда кафе и маленьких магазинов, до моих ушей доносились обрывки разговоров школьников, которые шли домой впереди и позади меня. Они говорили о домашних заданиях, обсуждали учителей или смеялись над чем-то, случившимся на перемене. Я в ужасе поняла, что мне больше не с кем вести такие разговоры. Мне не остается ничего другого, как брести под солнцем, которое словно смеялось надо мной, и осознавать, что в моей жизни больше не осталось ничего. Ни школы, ни семьи, ни парня.

Слезы наполнили глаза, и я тщетно пыталась их сморгнуть. Мне нужна была моя сестра. Мне нужен был кто-то, кто скажет, что все уладится, хотя я сама в это не верила.

В тот момент, когда я хотела достать из кармана телефон, около меня на проезжей части остановилась машина. Краем глаза я заметила темно-зеленый дребезжащий кузов с ржавыми

ободьями колес и грязными стеклами. Я не знала никого, кто ездил бы на такой машине, и шла дальше, не обращая на нее внимания.

Однако машина следовала за мной. Я повернулась в сторону, чтобы лучше рассмотреть ее, и тут водительское стекло опустилось.

Я никак не ожидала увидеть здесь этого человека. Я опешила.

– Руби? – так же удивился Рэн. Кажется, по моему лицу было понятно, как я себя чувствую, потому что Рэн сощурился и даже высунулся из окна, чтобы получше разглядеть меня. – У тебя все в порядке?

Я плотно сжала губы. С Рэном Фицджеральдом мне совсем не хотелось разговаривать. Наверняка уже пошел слух о том, что меня выгнали из Макстон-холла. Волна неприятного жара пронзила мое тело, и я пошла дальше, ничего не ответив.

Позади меня хлопнула дверца, и вскоре я услышала быстрые шаги:

– Руби, подожди!

Я остановилась и закрыла глаза. Потом сделала один, два, три глубоких вдоха. Я пыталась скрыть, насколько была не в себе и какая неразбериха творилась в моей душе, прежде чем повернуться к Рэну.

– У тебя такой вид, будто ты в любую минуту можешь рухнуть на землю, – сказал он. – Может, тебе нужна помощь?

Я тихо фыркнула.

– Помощь? – просипела я. – От тебя?

Тут Рэн сжал губы.

– Алистер рассказал, что произошло. Это полное дерьмо.

Я оцепенела и отвела взгляд. Значит, я была права. Случившееся уже обсуждают в школе. Просто великолепно. Я разглядывала фасад фитнес-центра на другой стороне улицы. Несколько человек тренировались на беговых дорожках, другие поднимали штангу лежа. Может, и мне туда заползти. Уж там меня точно никто не найдет.

– Великолепно, – пролепетала я.

Я хотела снова отвернуться от него и идти дальше, но что-то заставило меня помедлить. Может, тот факт, что Рэн ехал не на лимузине, а на таком старье, которое грозило развалиться на части в любой момент. Может, его взгляд, серьезный и искренний, без желания надо мной посмеяться. А может, и потому, что мы с ним стояли друг против друга в Гормси, где я совсем не ожидала бы встретиться с человеком вроде Рэна Фицджеральда.

– А ты что здесь делаешь?

Рэн пожал плечами:

– Я здесь случайно оказался.

Я подняла брови:

– В Гормси. Случайно.

– Послушай, – сменил тему Рэн. – Я отказываюсь верить в то, что Джеймс имеет к этому какое-то отношение.

– Это он тебя послал, чтобы ты убедил меня в этом? – спросила я дрожащим голосом.

Рэн отрицательно помотал головой:

– Нет. Но я знаю Джеймса. Он мой лучший друг.

– Кто-то сделал снимки, на которых я как будто обнимаюсь с учителем, Рэн. И Джеймс признался, что это он.

– Может, он их и сделал. Но это не значит, что он отправил их Лексингтону.

Я сжала губы.

– Джеймс бы не сделал этого, – настойчиво повторил Рэн.

– Почему ты так уверен? – спросила я.

– Потому что я знаю, как Джеймс относится к тебе. Он никогда бы не сделал то, что могло бы тебе навредить.

Он сказал это с такой убежденностью, что мои чувства снова взметнулись вихрем. Разве дело как-то меняет то, что снимки послал не Джеймс? В любом случае для чего он их вообще сделал?

– Я сам хотел бы знать, что кроется за всем этим делом, – заявил Рэн. – Я еду к нему. Поедем со мной, Руби.

Я уставилась на Рэна. Меня так и подмывало спросить у него, не потерял ли он рассудок. Но что-то останавливало.

Этот день достиг апогея бессмысленности. Хуже быть просто не могло.

Я игнорировала колокольчики тревоги, которые прозвенели у меня в голове. Больше не раздумывая, я пошла к ржавой машине Рэна и села в нее.

2

Лидия

Известие о том, что Грэхема уволили, разнеслось по Макстон-холлу со скоростью лесного пожара. Невыносимо было стоять перед школой и ждать, когда Перси, наконец, заберет меня, к тому же я не могу дозвониться ни до Джеймса, ни до Руби, не говоря уже о Грэхеме. При мысли о том, каково ему сейчас, мне становится тошно, и я начинаю сходить с ума.

Когда я наконец добралась до дома, то пошла напрямик к себе в комнату и снова попыталась дозвониться до него. На сей раз он взял трубку, и я с облегчением вздохнула.

– Грэхем?

– Да. – Его голос лишен всякой эмоции.

– Мне так жаль, – выпалила я, принимаясь ходить по комнате туда и сюда как зверь в клетке. Все мое тело заряжено адреналином, а сердце бешено колотится. – Мне так жаль. Я этого не хотела.

Я слышу, как Грэхем судорожно вдохнул.

– Это не твоя вина, Лидия.

Нет, моя. Это моя вина, что Грэхема и Руби выгнали из школы.

– Я поеду к ректору Лексингтону и все объясню. Конфликт уладится, поверь мне. Я возьму вину на себя и...

– Лидия, – мягко перебил он меня.

– Руби тоже исключили из школы. Она этого абсолютно не заслужила. Я не могу допустить, чтобы она была наказана за то, чего не делала.

– Лидия, я... – Не успел он закончить фразу, как из моих рук вырвали телефон. Я вскрикнула от испуга и развернулась.

Передо мной стоял папа и смотрел на меня ледяными глазами. Он опустил взгляд и уставился на светящийся дисплей моего телефона. Потом поднял палец и закончил вызов.

– Эй! Что... – начала я.

– Ты больше никогда не будешь разговаривать с ним, – произнес отец пугающим тоном. –

Ты поняла?

Я открыла рот, но холод в голосе папы и его гневный взгляд не дали мне произнести ни слова.

Он все знал.

Папа знал про меня и Грэхема.

О боже.

– Папа... – в отчаянии прошептала я.

От слова «папа» лицо его исказилось болезненной гримасой.

– Если бы твоя мать была жива, ей стало бы стыдно за тебя.

Он сказал это так спокойно, что прошло не меньше секунды, пока эти слова дошли до меня. Они обрушились словно удар, и я отшатнулась от него и его гнева.

– Позволь мне объяснить, папа, это действительно не то, что ты думаешь. Мы с Грэхемом были знакомы еще до того, как он...

Внезапно отец вскинул руку вверх и с размаху швырнул мой телефон в стену. Развалившись, телефон черными пластиковыми деталями рассыпался по полу. Я непонимающе уставилась на него.

– Повторяю в последний раз: ты больше никогда не будешь говорить с этим человеком. Ты поняла? – Его голос начал дрожать от ярости.

– Но я же пытаюсь тебе объяснить, что это...

– Я не желаю слышать твои объяснения, Лидия, – перебил он меня.

Ненавижу, когда он такой. Он не хочет меня выслушать, хотя точно знает: мне есть что сказать.

– Я не для того всеми средствами защищал твое доброе имя, чтобы ты принимала очередное легкомысленное решение. Отныне с этим покончено, понятно?

Как будто мне в лицо плеснули ледяной водой. Потребовалось какое-то время, чтобы вернуться дар речи:

– Что ты имеешь в виду под моим добрым именем?

Папино лицо ожесточилось.

– Я позаботился о том, чтобы честь нашей семьи не была запятнана. Ты должна бы радоваться, а не смотреть на меня волком.

У меня перехватило дыхание.

– Так это был ты? – прохрипела я. – Ты принес снимки ректору Лексингтону?

Холодные глаза отца сверлили мое лицо:

– Да.

Стало нечем дышать. Во мне поднималась тошнота, а комната начала кружиться. Одной рукой я ухватилась за стул, стоящий передо мной, чтобы не упасть.

Собственный отец виноват в том, что Грэхем потерял работу, а подругу Джеймса исключили из школы.

– Зачем ты это сделал? – прошептала я.

Моя потребность объяснить ему ситуацию рассыпалась в пыль. Во мне еще оставалось место сомнениям – и для невысказанной ярости, которая с каждой секундой все быстрее разливалась по венам.

– Твоя тайна могла разрушить нашу семью – тебе совершенно безразлично, что ты поставила на кон своим безответственным поведением? Наша семья для тебя ничто?

– Семья? Да неужели! – зашипела я, сжимая кулаки. Руки дрожали, и мне казалось, я в любой момент могу взорваться. – Единственное, что тебя интересует, это деньги. Каково приходится Джеймсу и мне после маминой смерти – тебе плевать на это. И теперь ты стоишь передо мной и требуешь, чтобы я радовалась твоему приказу выгнать моего парня из школы?

Его ноздри слегка раздулись при слове «парень», в остальном лицо оставалось неподвижно.

– Я сделал бы и того больше ради чести нашей фамилии.

Его спокойный голос вывел меня из себя. Дыхание участилось, а ногти так глубоко впились в ладони, что вот-вот могла брызнуть кровь.

– Ты должна быть мне благодарна, Лидия, – добавил он совершенно серьезно.

Моя ярость дошла до высшей точки. Я больше не могла сдерживать слова, они вырывались из меня неуправляемым потоком.

– Может, ты и сумел вышвырнуть Грэхэма из школы, но ты не в силах вычеркнуть его из моей жизни! – крикнула я во весь голос.

– Еще бы я не мог. – Отец повернулся и хотел выйти за дверь.

Но я не закончила.

– Нет, ты не можешь. Потому что я беременна.

Он замер. Медленно, словно в замедленной съемке, он повернулся ко мне:

– Что?

Я вскинула подбородок:

– Я беременна. От Грэхема.

Было так странно наблюдать за его реакцией. Какое-то время он просто смотрел на меня и моргал – как тот забавный человек на гифке, популярной в Сети уже несколько месяцев. Потом его плечи начали трястись, как будто ему было тяжело дышать, и на щеках, на лбу и на шее проступили красные пятна.

А я-то думала, что видела все формы отцовского гнева. Мы с Джеймсом довольно рано научились правильно истолковывать малейшие изменения в его мимике, чтобы вовремя успеть скрыться с глаз.

Но таким, как в этот момент, я отца еще не видела.

Взгляд его задержался на мне – одну секунду, другую, – и я медленно отступила на шаг назад, потому что не могла оценить, что произойдет дальше. Но, к моему удивлению, отец повернулся и вышел из комнаты, не говоря ни слова.

Дверь хлопнула так, что я невольно вздрогнула. Я прижала ладонь к грудной клетке и глубоко вздохнула. Пульс был сумасшедший, я чувствовала, как колотится сердце под ладонью.

Не прошло и десяти секунд, как дверь снова распахнулась – так сильно, что ручка ударилась о стену и наверняка оставила там вмятину. Отец вернулся в комнату и встал передо мной.

– Саттон об этом знает? – спросил он так тихо, что я едва расслышала.

Вопрос застал меня врасплох, и мне понадобилось несколько секунд, прежде чем я отрицательно помотала головой:

– Нет, я...

– Хорошо, – перебил меня отец. Он широкими шагами пересек комнату. Распахнул дверь гардеробной и вошел в ее тесное пространство. Оттуда донесся грохот.

Я скользнула к двери и уставилась на отца, который только что стащил со шкафа большой чемодан и уже взялся за дорожную сумку, которую с шумом швырнул рядом. Он пинком откинул крышку чемодана и стал запихивать в него мою одежду, без разбора срывая ее с плечиков и хватая с полок.

– Что ты делаешь?

Отец не реагировал. Словно обезумев, он хватал майки, блузки, брюки, нижнее белье, сумки и обувь. Волосы у него растрепались от беспорядочных резких движений, красные пятна на лице побагровели. Даже когда чемодан уже был полон, он не прекратил швырять мои вещи, и они валялись беспорядочной кучей поверх сумки и рядом на полу.

– Папа, да что ты делаешь? – воскликнула я и сделала шаг вперед, чтобы остановить этот беспредел. Я схватила его за руку, но он ее вырвал. Меня отшвырнуло назад, и я едва удержалась за косяк двери.

В этот момент в комнату ворвался Джеймс.

– Что здесь происходит? – крикнул он. Потом заметил отца в гардеробной, и глаза у него полезли на лоб.

– Папа, что ты делаешь? – спросил он.

Отец повернулся к нему и погрозил пальцем.

– Ты знал об этом? – спросил он.

Джеймс наморщил лоб:

– О чем?

– О чем я вообще спрашиваю? Конечно же, знал, – пробормотал отец себе под нос.

Пару мгновений он рассматривал хаос, учиненный собой же, потом принялся размашистыми движениями засовывать в дорожную сумку те вещи, что валялись на полу.

– Для чего ты укладываешь вещи, папа? – хрипло спросила я.

– Ты немедленно уедешь.

Мне стало дурно.

– Что? – выдохнула я.

Джеймс положил теплую ладонь мне на спину, давая понять, что он со мной, он рядом.

– Нам и так хватает грязных заголовков в газетах. Я не допущу, чтобы благополучие моего предприятия пострадало только из-за того, что ты глупа и позволила учителю себя обрюхатить! – Последние слова он прорычал.

Я придвинулась ближе к Джеймсу, и его ладонь напряглась на моей спине. Я буквально чувствовала, какого усилия воли ему стоило сдерживаться.

Голос брата звучал спокойно, когда он попытался заговорить с отцом:

– Ты не можешь делать вид, будто ничего не случилось.

Отец дергал молнию на сумке. В ней застрял кусочек одежды, и послышался неприятный треск разрываемой ткани. Я вздрогнула.

– Еще бы я не мог, – крикнул он и сильным рывком застегнул сумку. После этого он повернулся к чемодану. Следующую молнию он застегивал, упершись коленом в его крышку. – Поедешь к своей тетке. И немедленно. Никто не должен узнать о твоём... положении.

Я ахнула.

– Ч-что?

– Ты не можешь так поступить, – возмутился Джеймс.

Отец остановился и посмотрел на нас. Вид у него был почти гротескный: он стоял, упершись коленом в серебристый чемодан, тяжело дыша, с растрепанными волосами и в пропитанной потом рубашке.

– Я единственный, кто в этом доме еще в своем уме. Ты действительно считаешь, что я позволю тебе так... – он указал на мой живот, – и впредь подставлять семью? Ты хоть представляешь, какую тень это бросает на нашу репутацию? На репутацию «*Бофорт*»?

– Так вот что тебя волнует? – Голос Джеймса задрожал. – Только это?

– Разумеется. А что же еще?

– Вообще-то, тебя должна волновать твоя дочь, черт побери!

Отец фыркнул:

– Не будь таким наивным, Джеймс. – Его ледяной взгляд остановился на мне: – Тебе следовало лучше думать о своих приоритетах, Лидия. Такой ты никому не нужна.

Стены комнаты начали сужаться. Я качнулась в сторону Джеймса и крепко вцепилась в него.

– Ты не можешь отправить Лидию в ссылку и сделать вид, что ее не существует, – с негодованием заявил Джеймс. Я почувствовала, как дрожит его рука у меня на спине.

Отец встал и поставил чемодан вертикально. С покрасневшим лицом взял его за ручку, подхватил сумку и с этой ношей твердым шагом двинулся в нашу сторону.

Джеймс преградил ему путь.

– Отойди, Джеймс.

– Даже если ты отошлешь Лидию, самое позднее через пару месяцев правда всплывет на публику. Это ничего не изменит, ты только зря разрушишь нашу семью!

Прошла секунда. И тут отец выпустил сумку, занес руку и...

Моя реакция была инстинктивной.

Я бросилась вперед, загородив собой Джеймса. Удар отца пришелся на щеку и на ухо, он был таким сильным, что голова у меня дернулась и из глаз посыпались искры. В ухе зазвенело, звон становился все громче, я вдруг перестала чувствовать, где верх, где низ. Я потеряла равновесие и пыталась за что-нибудь ухватиться, чтобы не упасть. В тот момент, когда руки Джеймса подхватили меня, в глазах совсем потемнело.

Не знаю, сколько времени прошло, прежде чем я очнулась. Секунды или минуты? Думаю, я лежу на полу. Громкие голоса проникают в уши и усиливают боль в голове. Пульсирующий стук в висках с каждой секундой учащается. Я пытаюсь открыть глаза.

Кто-то стоит возле меня на коленях. Джеймс. Он повторяет мое имя, и с каждым разом отчаяние в его голосе усиливается.

Я щурюсь, и постепенно окружающая обстановка приобретает четкие очертания. Я лежу у двери гардеробной. Джеймс уложил меня на своих коленях и гладил мне плечи. Глаза его распахнуты от страха, но увидев, что я пришла в себя, он с облегчением вздохнул. Рядом с нами стоит отец и смотрит на нас сверху вниз, все еще с чемоданом в руке. Может, мне только чудится это, но в его глазах мелькнуло облегчение. Правда, лишь на долю секунды, а в следующий момент он достал из кармана брюк телефон, нажал на кнопку и поднес его к уху.

Он смотрит мне в глаза и без всякого выражения в голосе говорит:

– Персиваль? Поднимитесь, пожалуйста, на второй этаж и отнесите в машину сумки моей дочери. Лидия сегодня же уезжает.

Потом он отвернулся от нас с Джеймсом, переступил через багаж и вышел из комнаты.

Мне казалось, будто кто-то сдавливает мое горло. Я осторожно провела пальцами по тому месту, куда он меня ударил, и больше не смогла сдерживать слезы.

– Все будет хорошо, – шептал Джеймс, крепко обнимая меня. – Не беспокойся. Мы все уладим.

Правда, мне кажется, что мой брат впервые в жизни не может защитить меня от того, что на нас надвигается.

3

Руби

– Что это за машина? – спросила я Рэна спустя несколько минут поездки по шоссе в сторону Пемвика, проведенных в молчании. Грустная музыка из колонок – единственное, что разбавляло тишину. Несколько минут назад, словно из ниоткуда, начался дождь, и я с минуты на минуту ждала, что хлипкие «дворники» того и гляди останятся. Или отвалятся. С каждым движением они скрипели все громче. А Рэн, казалось, уже привык к этому звуку.

– В доме Фицджеральдов произошли некоторые... финансовые перестановки, – ответил он немного погодя. – И мне подарили Джорджа.

Я снова оглядела салон автомобиля. Он не походил ни на какого Джорджа. Если честно, он вообще не походил на что-либо, чему можно дать имя. Сиденья обиты коричневым кордом, местами выцветшим и впитавшим в себя запах сигар.

– Ты правда назвал свою машину Джорджем?

– Не я. Это... одна подруга. – Рэн повернул налево и стал возиться с радио, которое, по всей видимости, было единственной вещью в этом автомобиле моложе двадцати лет. Правда, у него был поврежден контакт, и Рэну приходилось что-то делать после каждого поворота, чтобы музыка продолжала играть.

– А, – сказала я, и между нами снова повисло молчание. Я не решалась уточнить, что же он имел в виду под «финансовыми перестановками». Мы с Рэном почти чужие. Нас не связывало ничего, кроме того случая в прошлом и нашей дружбы с Джеймсом. Я беспокойно ерзала на сиденье. Зачем только села к нему в машину?

Рэн посмотрел на меня искоса, но тут же перевел взгляд на дорогу.

– Я давно хотел с тобой поговорить, Руби...

Я неуверенно посмотрела на него:

– О чем?

– Я вел себя как полный кретин. Тогда на вечеринке. Мне давно следовало извиниться. – Рэн откашлялся и снова постучал по радио, хотя мы ехали прямо, и музыка, как и прежде, хрипела из колонок. – Я не должен был так поступать. Я был...

Я сглотнула. Вроде бы он говорил серьезно, но я в то же время не верила его словам до конца. Люди не меняются за один день.

– На тусовке у Сирила ты огорошил меня тем, как заговорил со мной. Тогда мне не показалось, что ты сожалеешь о том случае, – сказала я.

– Я знаю. Я... был настроен скептически из-за того, что ты появилась с Джеймсом, и хотел выяснить, почему. Я выставил себя полным идиотом. Я больше никогда не буду делать так, как на вечеринке два года назад. Я изменился. Надеюсь, при случае я смогу тебе это доказать.

Наморщив лоб, я смотрела в окно. Мимо нас проносились зеленые деревья, редкие дома и небольшие поля.

– Я бы поцеловала тебя и без алкоголя, – наконец призналась я и посмотрела на Рэна. Он мельком ответил на мой взгляд и снова посмотрел на дорогу. – То, что ты сделал, действительно неправильно. Ты должен был мне сказать, что это не просто фруктовый пунш.

– Я сожалею о своем поступке. Правда. Я знаю, как Джеймс дорожит тобой, и поэтому ты так же важна и для меня. Я надеюсь, ты когда-нибудь сможешь простить меня.

Таким Рэна я совсем не знала. Что бы ни происходило с ним сейчас, кажется, это заставило его задуматься о некоторых вещах.

– Спасибо за извинение, – сказала я немного погодя.

Он кивнул и снова сосредоточился на дороге.

В последовавшей тишине мои мысли автоматически переключились на фотографии и извилистую *B* на конверте, адресованном ректору Лексингтону. Я вспомнила взгляд Джеймса, когда он признался, что сам сделал эти снимки.

Я доверяла ему. Я думала, что знаю его. Неужели я и правда так ошиблась? Но зачем ему было это делать? После всего, что мы пережили вместе за последние месяцы?

Чем дольше я об этом думала, тем меньше сходились детали пазла. Вся эта ситуация была нереальной. Когда я проснулась сегодня утром, у меня в планах оставалось обсудить с оргкомитетом следующее мероприятие и позаниматься с Джеймсом в библиотеке. А теперь? Теперь я сижу в машине Рэна Фицджеральда, потому что он предложил мне свою помощь.

– Почему тебя интересует, в каких отношениях мы с Джеймсом? – спросила я. Вопрос прозвучал грубее, чем я хотела, Рэн напрягся. – Не так выразилась, – быстро добавила я. – Просто думала, что тебя скорее раздражает то, что Джеймс проводит время со мной.

Рэн включил поворотник, и мы свернули на шоссе. Теперь до дома Джеймса оставалось не более десяти минут. Когда на этот раз музыка затихла, Рэн не стал ее снова включать.

– С тобой это не связано, – сказал он. – Я просто не мог понять, как после пятнадцати лет дружбы мы вдруг стали неинтересны Джеймсу.

– Это не так. Он больше всего на свете ценит вашу дружбу.

Рэн улыбнулся:

– А я в какой-то момент в этом усомнился. Возможно, потому, что своих забот было много.

Я задумчиво кивнула.

– И я... – Рэн пытался подобрать подходящие слова. – Я еще никогда не видел Джеймса таким, как в последние недели. Мало кто об этом знает, но он долгое время был несчастлив. Его отец подонок, и хотя Джеймс никогда не говорил мне этого, я думаю: будь у него выбор, он бы никогда не стал работать в «*Бофорт*». Он не может это изменить, но с тех пор, как познакомился с тобой, стал... свободнее. Спокойнее.

Я почувствовала, как щеки вспыхнули румянцем.

– Я хочу, чтобы мой друг был счастлив. – Он посмотрел на меня. – А ты делаешь его счастливым.

Я искала, что ответить, но Рэн еще не закончил.

– Когда Алистер рассказал о твоём исключении, а потом я увидел тебя в Гормси, то просто захотел помочь. Без задних мыслей. Честное слово.

– О'кей, – произнесла я.

– К тому же... – Рэн откашлялся. – Теперь я лучше понимаю Джеймса. Может, это тоже связано с этим.

Я хотела спросить, что он имеет в виду, но мы уже подъехали к участку Бофортов. Рэн опустил стекло, и я ждала, что он нажмет на кнопку звонка у ворот, рядом с которой находился небольшой дисплей – чтобы можно было увидеть, кто пришел. Но, к моему удивлению, он достал из кармашка на солнцезащитном козырьке электронную карту-ключ и приложил ее к гладкой черной поверхности рядом с дисплеем. Ворота начали медленно открываться, и мы въехали внутрь.

Желудок сжался в тугий узел, когда я увидела лимузин у входа в дом.

– Что там случилось? – пробормотал Рэн.

Только тогда я увидела, что багажник машины открыт и Перси грузит туда большие сумки.

Я слотнула. Что-то было не так.

Рэн припарковался, и мы вышли из машины. В этот момент в дверях появилась Лидия. Она закрыла лицо обеими руками, плечи ее тряслись. Джеймс стоял рядом, обняв сестру за плечи. Он что-то прошептал ей на ухо, на что Лидия кивнула. Эта картина напомнила мне похороны, и мороз пробежал по коже.

Мы с Рэном обеспокоенно переглянулись и двинулись вперед. Но когда подошли к наружной лестнице, в дверях возник Мортимер Бофорт. Его стальной взгляд со всей тяжестью упал на меня, но он не смог помешать мне подняться к Лидии.

Когда Джеймс увидел меня, глаза у него округлились.

– Руби, – прошептал он. – Что...

Я лишь покачала головой и нежно коснулась руки Лидии.

– Лидия, – тихо сказала я.

Она опустила руки. Ее щеки были залиты слезами, но не это было самым ужасным: красные и голубоватые пятна покрывали половину ее лица. Сердце больно сжалось, и я невольно подняла взгляд на мистера Бофорта.

Он же и бровью не повел. Я бы никогда не подумала, что смогу ненавидеть этого человека еще сильнее, чем прежде, но в этот момент мне хотелось броситься на него и причинить ему ту же боль, что он доставил Джеймсу и Лидии.

– Что случилось? – спросил Рэн, переводя взгляд с Лидии на Джеймса. – Для чего эти чемоданы?

Оба выглядели так, словно находятся в шоковом состоянии.

– Лидия, пора, – прозвучал голос мистера Бофорта. Он прошел мимо нас и спустился по ступеням к автомобилю. Затем демонстративно открыл дверцу.

– Папа знает о беременности. Я... я должна уехать, – выдавила Лидия. – К моей тете.

– Беременности? – переспросил Рэн, наморщив лоб.

Джеймс сильнее стиснул плечи Лидии.

– Я беременна, – прошептала Лидия. – От Грэхема Саттона.

Рэн уставился на Лидию, раскрыв рот, чтобы что-то сказать, но снова закрыл его. Очевидно, у него пропал дар речи.

– Лидия! – взревел мистер Бофорт.

Во мне поднялась паника.

– Я могу что-нибудь сделать? – спросила я. В воздухе повисло отчаяние – то, с чем я никак не могла справиться. Особенно когда оно обрушивается так внезапно.

– Есть хоть что-то, что я могу сделать? – в панике воскликнула я.

Она отрицательно помотала головой и вытерла слезы:

– Нет. Я... я позвоню тебе, как только у меня снова будет телефон.

– Хорошо, – хрипло ответила я.

Она медленно отделилась от Джеймса и пошла вниз по лестнице. Еще никогда я не чувствовала себя такой бессильной.

– Руби, – тихо сказал Джеймс. Он нерешительно взял меня за руку и погладил большим пальцем по тыльной стороне ладони.

– Я клянусь тебе, что не отправлял эти фото Лексингтону.

В голове путались мысли, и я не знала, на чем мне сосредоточиться. У Джеймса, похоже, были аналогичные ощущения.

– Я бы хотел тебе все объяснить, но не могу отпустить Лидию с отцом в Бекдэйл. – Он сжал мою ледяную ладонь. – Прошу, поверь мне.

Я думала о том, что мы пережили с Джеймсом за последние несколько месяцев. Что мы пообещали быть откровенными друг с другом, всегда оставаться рядом и не позволять чему-либо встать между нами.

Сейчас неподходящий момент для разговора. Но если еще пару часов назад я была уверена, что больше не хочу видеть Джеймса, то теперь знала, что готова выслушать его объяснения.

– Я не могу ждать вечно, – призналась я. – Ты меня сильно ранил.

– Я знаю. Мне очень жаль. Но я прошу тебя – в последний раз, – тихо сказал он.

Я кивнула и отпустила его руку.

Джеймс повернулся к Рэну:

– Остальные не знают о беременности. Пожалуйста, сохрани это в тайне.

Рэн коротко кивнул.

Затем Джеймс спустился по лестнице и сел к Лидии в машину. Перси закрыл дверцу и пошел на водительскую сторону. На долю секунды наши взгляды пересеклись над крышей «Роллс-Ройса». Перси выглядел таким же опечаленным, какой я себя чувствовала.

Затем он сел в машину, и она тут же тронулась с места. Я смотрела вслед красным задним огням, пока они не исчезли за воротами, мое сердце бешено застучало.

– Проклятье, – сказал Рэн.

Мне ничего не оставалось, как молча кивнуть в ответ.

Несколько минут мы смотрели в ту сторону, в которой скрылся «Роллс-Ройс». Потом Рэн вздохнул.

– Идем, – предложил он. – Нам надо отвлечься.

Алистер

Тренировка сегодня получилась ужасной. Джеймс, Рэн и Сирил не пришли, и никто из них не предупредил тренера, отчего тот был в скверном расположении духа. Он кричал нам команды и гонял нас по площадке как безумный, и когда через полтора часа все закончилось, я мысленно три раза перекрестился. Я был мокрый от пота и хотел скорее пойти к скамье, чтобы взять бутылку с водой, но далеко я не ушел.

Один из новичков сильно толкнул меня сбоку. Это было так неожиданно, что я споткнулся и едва устоял на ногах. Когда я посмотрел на него, требуя объяснений, он бросил на меня вызывающий взгляд. В самом деле, только этого мне сейчас не хватало. Я угрожающе шагнул к нему.

– У тебя какие-то проблемы, Кентон? – спросил я.

– Из-за твоей чертовой компашки тренер умучил нас сегодня, – прошипел он и сплюнул рядом со мной на землю.

– И я виноват, потому что?..

– Позаботься о том, чтобы эта хрень больше не повторилась. Еще остались люди, которые относятся к тренировкам серьезно.

И он зашагал в сторону раздевалки. Мне стоило больших усилий не побежать за ним и не показать, что я думаю о его дерзости. Я сжал зубы и расстегнул застежки на перчатках. Стянул их с рук и заткнул за тренировочные штаны.

Мой взгляд сам собой упал на ворота, где Кеш как раз собирал мячи и укладывал их в корзину.

В другое время я бы пожаловался ему на новичка. У Кеша талант успокаивать меня в подобных ситуациях, просто выслушав.

Когда Кеш тебя слушает, ты понимаешь, что к тебе относятся серьезно. Он спокойный и рассудительный, а его советы всегда хорошо продуманы. Это одно из его качеств, которое я ценю в нем больше всего, тем более что я полная противоположность ему – вспыльчивый и импульсивный. Мы идеально дополняем друг друга, из-за чего Кеш, сколько я себя помню, и является моим лучшим другом.

Являлся, мысленно поправил я себя.

Кеш *был* моим лучшим другом.

Порой я задаюсь вопросом: может, мне не надо было вступать с ним в отношения? Возможно, тогда нам удалось бы спасти нашу дружбу. Но потом я вспоминаю моменты, проведенные вместе, и ощущаю волнение... а еще грусть.

Но это в прошлом, и я не вижу возможности исправить нашу ошибку. Мы поссорились, когда Кеш накричал на моего брата. Я сказал Кешу, что так больше продолжаться не может и однажды я не выдержу вранья: в школе мы ведем себя так, будто мы просто друзья, а наедине – как пара. Что я и на людях хочу его целовать и держать за руку. И если он не в силах дать мне этого, я хотел бы вернуться к точке, на которой мы находились еще год назад. Я хотел, чтобы мы снова стали лучшими друзьями. Просто лучшими друзьями. Не больше.

Ответом Кеша было спокойное «Понял», что, с одной стороны, похоже на удар в лицо, с другой – давало надежду, что у нашей дружбы по крайней мере есть шанс, поскольку мы наконец прояснили наши отношения.

Но как бы мы ни старались общаться непринужденно, это все равно было совсем не так, как раньше. Между нами есть что-то, что я не могу игнорировать, и это чувство становится все сильнее.

Я отвел от него взгляд и пошел к краю поля, где на скамье лежала моя спортивная сумка. Одной рукой я достал бутылку с водой, другой – телефон. Рэн написал мне.

SOS. Я могу прийти к тебе с Руби? У Бофортов неприятности, и нам надо отвлечься.

– Черт, – пробормотал я. Только этого не хватало.

– Что такое? – за спиной раздался голос Кеша. Он держался на приличной дистанции, и все равно у меня по телу пробежали мурашки. Я сосредоточился на ответе Рэну, затем засунул телефон обратно в сумку.

– Рэн сейчас придет с Руби. – Я повернулся к Кешу. Он спокойно смотрел на меня, и мне стоило больших усилий не выдать, как я скучаю по нему.

– Руби, должно быть, чувствует себя ужасно, – сказал Кеш. Он взял свои вещи со скамьи, и мы вместе пошли к раздевалке. – Говорят, у нее что-то было с Саттоном, и из-за этого ее исключили. – Его скептический тон выдавал, что он не верит слухам.

– У нее с Саттоном точно ничего не могло быть.

Кеш вопросительно посмотрел на меня.

– Тебя разве не было рядом, когда Джеймс сделал эти фото? – спросил я. Кеш очень наблюдательный. Это не могло пройти мимо его внимания.

– Да, но я не могу поверить, что он их отослал. Думаю, тут что-то нечисто.

Я громко хмыкнул. Джеймс делал вещи и похуже, чем отправить пару снимков, но сейчас я при всем желании не мог представить, чтобы он так навредил Руби.

Я откашлялся:

– А ты пойдешь ко мне домой?

Кеш остановился. Он вопросительно смотрел на меня. Несколько прядей выбились из небрежного пучка, который он всегда завязывал на тренировку. Мне так хотелось протянуть руку и убрать их ему за ухо. Я подавил в себе это желание и вместо этого схватил бутылку с водой так крепко, что пластик затрещал.

– А ты разве хочешь, чтобы я тоже пришел? – спросил он в ответ.

С момента нашей ссоры мы с Кешем редко проводили время вместе. Я не припомню, когда мы в последний раз по-настоящему разговаривали наедине. Когда мы одни оказываемся в помещении, воздух между нами словно электризуется, и мне приходится одергивать себя из

страха снова совершить ошибку и ввязаться в то единственное, что Кеш может нам предложить: редкие поцелуи в темноте.

Но я надеюсь, что скоро все будет как прежде и у нас получится стать хорошими друзьями. Не больше и не меньше. Итак, я кивнул, хотя и понимал, что мне нелегко рядом с ним.

– Чем больше людей, тем лучше. – Я ответил на его взгляд. Он определенно видит по моим глазам, что со мной творится. Такое случается, когда ты долго дружишь с кем-то, а Кеш и без того самый эмпатичный человек из всех, кого я знаю.

Порой мне хотелось бы, чтобы он использовал этот дар во благо, а не для того, чтобы разбивать чужие сердца.

– Тогда я с радостью пойду, – согласился он.

– О'кей. – Я откашлялся. – Круто.

– Я схожу в душ, – сказал Кеш и указал на кабинки в конце коридора.

Я почувствовал, как мне снова становится жарко, хотя мой пульс почти пришел в норму.

Я быстро прошел мимо него в раздевалку.

– Тогда я подожду тебя возле зала, – крикнул я через плечо.

Всю дорогу к выходу я чувствовал на своем затылке спокойный, понимающий взгляд Кеша.

По Руби было видно, что у нее очень тяжелый день. Придя ко мне, она с бледным лицом рухнула на диван и больше не сдвинулась с места. В то время как мы пришли в повседневной одежде, на ней все еще была школьная форма. Вид действительно печальный. Но что тут поделаешь, надо просто позаботиться о ней.

Кеш включил на телефоне музыку, а я в это время пошел на кухню посмотреть, что есть в холодильнике. С тех пор как Элейн и Фред не живут с нами, родители уволили часть персонала и отказались от ежедневных обедов в кругу семьи. О последнем я и не грущу. Чаще всего я скованно сидел в стороне, пока родители общались в основном с Фредом – и главным образом о Фреде.

Теперь же я, бывает, не вижу с семьей целыми днями, но меня это не особо напрягает. Я люблю одиночество. Так я по крайней мере могу не притворяться перед родителями, что их отношение ко мне меня не задевает.

Я взял готовую лазанью из холодильника и разогрел ее в микроволновке. Затем положил четыре куса на тарелки и, балансируя, понес их к себе в комнату. Две тарелки я поставил на журнальный столик для себя и Руби, одну подал Рэну и четвертую Кешу, который сидел за моим письменным столом, уткнувшись в телефон. Затем я пошел назад, принес приборы и несколько стаканов, также поставив их на стол.

– Вот, – сказал я и протянул Руби вилку.

– Спасибо. – Голос у нее был обессиленным.

Я сел с ней рядом на диван и начал закидывать в себя лазанью. Как и всегда после тренировки, я был голодный как волк.

Краем глаза я видел, как Руби поднимает вилку, но затем снова опускает тарелку на колени.

– Мы поговорим о том, что случилось? – осторожно спросил я. – Или обсудим что-нибудь другое?

Рэн, сидящий на кресле напротив дивана, поднял голову и посмотрел на Руби. Она только пожала плечами, словно ей было все равно.

– Моргимер выставил Лидию из дома, – сказал Рэн.

Кеш изумленно поднял голову:

– Что?

– Я хотел отвезти Руби к Джеймсу, – объяснял Рэн. – Но когда мы приехали, багажник лимузина уже был заполнен сумками, а Лидия плакала. Потом все сели в машину и уехали.

– Черт, – выпалил я. – Лидия-то в чем провинилась?

Руби и Рэн переглянулись, затем напряженно уставились в свои тарелки. Они явно знали что-то, чего никому не полагалось знать.

– Я передал Джеймсу, что мы здесь, – проворчал Рэн, уклоняясь от моего вопроса. – Он приедет сюда, как только вернется от тети.

– О'кей. – Я доел остатки лазаньи, хотя у меня совершенно пропал аппетит от предположения, каково сейчас должно быть Лидии. Поставив тарелку на журнальный столик, я искоса посмотрел на Руби. Она почти не притронулась к еде и с отсутствующим видом ковыряла ее вилкой.

– Я слышал, что произошло в школе, – тихо сказал я.

Было видно, как ей трудно сейчас сохранять самообладание.

– Я присутствовал при съемках этих фотографий, Руби, – признался я. В ее глазах вспыхнул гнев, но я продолжил, не дав ей сказать: – Джеймс тогда еще не знал тебя. Этими фотографиями он хотел подстраховаться. Но со временем он привязался к тебе. Я не думаю, что он виноват в том, что случилось сегодня.

– Я хочу услышать это от него.

Я кивнул:

– Понимаю.

Повисла тишина. В какой-то момент Руби отставила тарелку и осмотрела мою комнату. Ее взгляд остановился на фотографии в рамке, на которой были Джеймс, Сирил, Рэн, Кеш и я. На нас была форма для лакросса, и мы с ног до головы измазались в грязи. Но мы сияли от радости, а Джеймс, стоящий посередине, держал над головой наш первый чемпионский кубок. Я до сих пор помню те чувства. Это была эйфория.

Мой взгляд метнулся к письменному столу и встретился там со взглядом Кеша, тот словно ждал, когда я посмотрю на него.

Я резко встал с дивана.

– Мне нужно выпить, – объявил я и подошел к комоду, в котором хранился запас алкоголя. Я достал початую бутылку виски и разлил ее по трем стаканам. Один я поставил перед Рэном, с другим пошел к Кешу, который помотал головой и указал на бутылку воды, стоящую рядом с ним на письменном столе.

Я нерешительно посмотрел на два стакана в руках. Затем пошел с ними к дивану и, недолго думая, протянул один Руби.

Руби смотрела на стакан в моей руке. Я предполагал, что она откажется, но, к моему огромному удивлению, она взяла его. Но не успел я что-то сказать, как она запрокинула голову и в несколько глотков осушила стакан.

Я одобрительно присвистнул. Руби вернула мне стакан и выжидательно посмотрела на меня снизу вверх.

Я секунду помедлил и снова наполнил его.

– Вы уверены, что это хорошая идея? – спросил Рэн, переводя взгляд с меня на Руби.

В этот момент Кеш включил на телефоне песню с быстрым битом.

– Нет, – сказали мы с Руби в один голос.

Я опустил на диван, и мы с ней произнесли тост:

– За плохие идеи.

Впервые за этот день на губах Руби появилась легкая улыбка.

4

Руби

Музыка течет по моим венам. Она наполняет меня с ног до головы и заставляет двигаться. Я танцую, не думая ни о чем. Я расслаблена.

Ощущения фантастические.

Я понимаю, что сегодняшний день приведет к плохим последствиям, но в эту секунду мне абсолютно все равно. Я хочу насладиться моментом.

Я сделала поворот вокруг своей оси. Алистер в восторге.

– Отличный виски! – объявила я и повернулась к Алистеру, который танцевал по всей комнате. Он поднял бутылку мне в ответ. Понятия не имею, куда делся его стакан.

– Точнее не скажешь, – согласился он. – Ты очень мудрая, когда пьяная, Руби.

– Нет уж, извините, – отвечаю я. – Я всегда очень мудра.

Алистер улыбается:

– Снова не поспоришь.

Не знаю, как так получилось, но в моих глазах Алистер вдруг стал приятнейшим человеком в мире. Я сразу почувствовала особую связь между нами. Мне показалось, что у нас так много общего, к которому я была равнодушна в трезвом состоянии.

– Рэн, – попросила я, доставая телефон из кармана своего жакета. – Сфотографируй нас с Алистером.

Я протянула ему телефон. Он с улыбкой его взял.

– Готовы?

– Секунду, – ответил Алистер и обнял меня за плечи. Мы вместе улыбаемся в камеру. – Давай.

– Раз, два... три.

Я высвободилась из объятий Алистера, чтобы подойти к Рэну и посмотреть снимок. Он получился крутым, хоть и немного смазанным, потому что мы, по всей видимости, не могли стоять ровно.

– Спасибо, – сказала я Рэну и уже собиралась сунуть телефон обратно в карман.

– Вообще-то у тебя там сотни две сообщений и пропущенных звонков, – тихо заметил Рэн. – Может, стоит их проверить, пока люди не сошли с ума от беспокойства?

Серьезность его слов дошла до меня сквозь алкоголь. Я нерешительно достала телефон. Экран расплывался перед глазами, и мне пришлось проморгаться, чтобы сфокусировать взгляд: пять пропущенных от Эмбер и Лин, три от мамы с папой. И в общей сложности семь сообщений.

– Черт, – пробормотала я. Меня пошатывало, когда я открыла первое сообщение.

Я слышала, что случилось. Хочешь поговорить? Мне зайти?

Я сглотнула, прочитав сообщение Лин. Я понимала, что должна ответить, но не могла сейчас этого сделать. Впервые с утра мне не хотелось разрыдаться. Алкоголь помог вытеснить этот кошмарный день, а если я сейчас поговорю с Лин, она же все начнет анализировать в малейших подробностях, и тогда я совершенно точно расплачусь. Эмбер тоже мне написала.

Прости, я уезжала! Что случилось? И где ты находишься?

Мне не хотелось думать о проблемах, которые ждут меня дома. Я не знаю, что будет дальше. И не хочу этого знать.

Я покачала головой и, не читая остальные сообщения, сунула телефон обратно в карман. Избегая задумчивого взгляда Рэна, я наконец сняла жакет и бросила его на диван. Затем засушила рукава своей блузки.

Алистер подошел ко мне, взял за руку и начал раскручивать, словно почувствовал смену моего настроения. Я невольно улыбнулась. Он снова раскрутил меня и улыбнулся в ответ. Кажется, он понимает, что нам всем сейчас нужно. Возможно, ему необходимо от чего-то отвлечься, подумала я, проследив за его взглядом, который в очередной раз был направлен в спину Кешу.

Впервые за долгое время – или, может быть, даже впервые – я все отпустила. Я закрыла глаза и двигалась под музыку. Я больше не концентрировалась на том, что сегодня произошло, и позволила Алистеру помочь мне все забыть. В какой-то момент я больше ни о чем не задумывалась – я двигалась на автомате. Лишь краем уха я слышала обрывки разговора Рэна и Кешава, но в остальном была только музыка и легкость от алкоголя.

Не знаю, как долго мы с Алистером танцевали. Я потеряла всякое ощущение времени – и того, сколько выпила.

– Еще глоток? – спросил Алистер и поднял бутылку. Я уже хотела протянуть пустой стакан, как нас прервал чей-то голос:

– Что тут происходит?

Я развернулась. В дверях комнаты стоял Джеймс. Должно быть, в дом его впустил Рэн, поскольку он появился сразу после него.

– Я ни при чем, просто чтобы было понятно, – пробормотал он и прошел к креслу, на котором сидел до этого.

Взгляд Джеймса упал на меня, и мы смотрели друг на друга не моргая. В его глазах я увидела совершенно разные эмоции.

Вину. Раскаяние. Злость. Печаль. Страх.

Сердце больно сжалось. Мне хотелось преодолеть дистанцию между нами и обнять его. И в то же время накричать на него, чтобы наконец выяснить, кто обработал и отправил Лексингтону фотографии со мной и мистером Саттоном.

– Проходи, дружище, – сказал Алистер, и Джеймс перешагнул через порог. На ходу он расстегнул пальто. Я вспомнила это серое пальто. Он был в нем, когда я знакомила его со своими родителями. От этого воспоминания в горле встал ком.

Джеймс остановился неподалеку от нас. Он посмотрел на меня нерешительно:

– Хей.

– Хей, – повторила я за ним.

Он наморщил нос и осмотрел стакан в моей руке:

– Пахнет виски.

– Твое обоняние впечатляет, друг мой, – ответил Алистер. – Мы с Руби запивали свою печаль.

На это Джеймс ничего не ответил. Вместо этого он кивнул головой в сторону дивана, вопросительно подняв брови. Я немного помедлила.

Прежняя эйфория вмиг исчезла, виски теперь казался не бодрящим эликсиром, а ядом – он невыносимо жег желудок.

Кеш сделал музыку тише, а мы в это время сели. Джеймс положил пальто на пол возле дивана, откинулся на спинку и потер лицо обеими руками. Он выглядел несказанно усталым, когда повернулся ко мне и взглянул на меня своими темными глазами.

– Эти снимки с мистером Саттоном сделал я, – начал он. – В прошлом году на вечеринке back-to-school. Мы тогда еще не знали друг друга так близко.

Я кивнула.

– Я не понимал, что ты сделаешь с информацией о Лидии. Я думал, мне понадобится что-то против тебя.

– Что за информация о Лидии? – переспросил Кеш, наморщив лоб.

Джеймс протяжно выдохнул:

– Интрижка с Саттоном была не у Руби.

Алистер опустил бутылку виски.

– Лидия и Саттон? – недоверчиво спросил он. Хотя парень выпил как минимум в два раза больше меня, он поразительно быстро сложил два и два. – Правда?

– Поэтому твой отец так психанул? – спросил Кешав.

– Да. – Небольшая пауза. – И еще из-за того, что Лидия беременна.

– Джеймс, – вырвалось у меня, ведь он так просто выболтал секрет Лидии. Но в эту же секунду до меня дошло, что Джеймс никогда бы этого не сделал, если бы Лидия ему не разрешила. Она знала, что он придет сюда и будет с нами это обсуждать.

Джеймс взял мою руку и крепко ее сжал. Его большой палец нежно поглаживал мою кожу.

– Лидия попросила меня все вам рассказать, – сказал он Алистеру и Кешу. – Отец выгнал ее из дома и отправил к нашей тете в Бекдэйл. – Я почувствовала, как он напрягся.

– Черт, – произнес Алистер. Он протянул Джеймсу бутылку, но тот отрицательно покачал головой.

– Как он вообще об этом узнал? – спросил Рэн, наморщив лоб.

– Сирил. – Джеймс буквально выплюнул из себя это имя.

Я изумленно оторвала взгляд от наших сплетенных пальцев. Эта информация даже для меня была новой.

– Что? Когда?

– Он видел Лидию вместе с Саттоном в субботу. Можете себе представить, как он отреагировал, учитывая, как долго был влюблен... Я пришел к нему, чтобы обо всем поговорить. Тогда он и стащил мой телефон. – Джеймс покачал головой, будто сам не мог в это поверить. – Я хотел его поддержать. А он нагло этим воспользовался. Он отправил эти снимки моему отцу, и тот позаботился о том, чтобы Саттон исчез из жизни Лидии. – Джеймс взглянул на меня. – А ты из моей.

Вот что означала размашистая буква «Б» на конверте.

Мортимер Бофорт отправил Лексингтону обработанные фото со мной и Саттоном, чтобы избавиться от нас.

– Двух зайцев одним выстрелом, – тихо произнесла я.

– Я поверить не могу, – пробормотал Рэн. – Сирил не мог так низко пасть.

– Люди и не на такое способны из-за несчастной любви, – отметил Кешав с мрачным видом.

– Что же нам теперь делать? – спросил Алистер. – Мы не можем допустить, чтобы Лидию сослали, а Руби исключили из школы!

Моя симпатия к Алистеру с каждой секундой становилась все больше.

– Я должен заставить Сирила во всем признаться, – сказал Джеймс.

Затем он повернулся ко мне:

– Ты будешь учиться в Оксфорде. – Его голос был твердым, как будто он ни капли не сомневался в своих словах. – Что бы мне ни пришлось для этого сделать.

Не успела я ответить, как вмешался Рэн:

– Мы поможем тебе, – на что Кешав и Алистер согласно поддакнули.

Я взглянула на Джеймса, который снова с теплотой смотрел на своих друзей. Его глаза были полны благодарности, и я отчетливо почувствовала связь, возникшую между ними за многие годы дружбы. Все четверо излучали уверенность и доброту – и моя ситуация сразу перестала казаться мне такой безысходной, как еще несколько часов назад.

Джеймс

Боль в висках с каждым часом становилась все невыносимей. Не помогли даже таблетки, которые Алистер достал для меня из аптечки матери. Наоборот, мне казалось, что голова болела еще сильнее.

Я не хочу уезжать, – в ушах звучали всхлипывания Лидии. Эхо, преследовавшее меня уже который час. *Не дай ему меня выгнать, Джеймс.*

Я надавил пальцами на переносицу, чтобы смягчить давление в глазах. К сожалению, и это не помогло.

Я провалился по всем фронтам. Как брат и как друг. Если бы я мог, то поехал бы в Бекдэйл вместо Лидии. И если бы я мог, отдал бы Руби свое место в Макстон-холле, чтобы она получила возможность закончить школу. Правда, мои фантазии в этой ситуации не помогали.

– Джеймс, – шепнула Руби.

– Да?

– Я вылетела из школы.

Я опустил взгляд, чтобы заглянуть в лицо Руби. Света уличных фонарей было достаточно, чтобы видеть ее расширенные зрачки и красные щеки. Я попросил Перси высадить нас у въезда в Гормси в надежде, что прогулка хотя бы немного отрезвит Руби. Если бы я привел ее домой в том состоянии, в котором застал у Алистера, то окончательно бы пал в глазах ее родителей.

У нее по телу пробежала легкая дрожь. Я недолго думая выскользнул из своего пальто и накинул его ей на плечи. Я не знал, что сказать. Я мог только тереть ее руки и пытаться согреть.

Она издала звук, который был похож на всхлипывание.

– Я. Вылетела из школы. Можешь в это поверить?

Сердце сжалось в груди. Нет. Я не мог в это поверить. *Я не хотел* в это верить. Так же как не хотел верить, что в этом виноват я. Захочет ли Руби меня видеть после того, как протрезвеет и поймет, что это я принес ей такую беду?

– Я не представляю, что теперь делать, – прошептала она. – С такой записью в личном деле меня не примут ни в одну школу. А без аттестата я не смогу учиться дальше. Тогда мне придется найти какую-нибудь работу, чтобы не сидеть на шее у родителей. – Она поморгала, но это не помогло. Слезы так и текли по ее щекам. Руби всхлипывала, и ее боль передавалась мне.

– Прости, что опять разочаровал тебя, – настойчиво пробормотал я. И убрал за ухо прядь волос, упавшую ей на глаза, затем большим пальцем погладил щеку и вытер ей слезы. – Я совершенно серьезно говорил тогда у Алистера. Я сделаю все, чтобы ты училась в Оксфорде. Я тебе обещаю.

Еще никогда я не относился к обещаниям так серьезно, как в этот момент.

Мои чувства к Руби развивались медленно, пока, наконец, не переросли меня, взвившись надо мной ураганом. Рядом с ней не нужны были никакие маски, она – единственный человек, которому я отдаю себя целиком. И это так пугающе. Я не могу снова потерять ее. После всех препятствий, которые мы преодолели. После того, как я понял, что она лучшее, что когда-либо происходило со мной.

– С тех пор, как я тебя знаю, моя жизнь превратилась в хаос...

Моя ладонь дрожала на ее щеке.

– Я понимаю. Но пока ты не определилась, я просто буду думать за нас обоих.

Руби сглотнула. А затем, будто в замедленной съемке, опустила голову мне на ключицу. Она глубоко вздохнула, и ее руки скользнули к моим бедрам. Она крепко схватилась за меня, словно я был единственный, кто мог в этот момент дать ей поддержку. Не знаю, поверила ли она моим словам или ее так утомил алкоголь. Но я поднял руку и погладил ее по затылку.

Когда Руби так близко, я перестаю чувствовать тяжесть всего мира на своих плечах. Я чувствую, будто весь мир находится у меня в руках.

5

Руби

Я проснулась от негромкого похрапывания. С тяжестью в теле я повернулась на бок и увидела, что рядом со мной спит Эмбер. Она закинула локоть за голову, рот приоткрыт.

Как она очутилась у меня в кровати?

Не могу припомнить, когда мы в последний раз спали в одной кровати. Раньше в выходные мы часто устраивали пижамные вечеринки и, не почистив зубы, посреди крошек от чипсов засыпали, лежа чуть ли не поперек друг друга.

Где-то с полминуты я находилась в той блаженной стадии, когда ты уже проснулась, но еще не вполне в сознании и пока догоняешь реальность. Но потом я вдруг заметила неприятный вкус во рту, и на меня разом обрушилось воспоминание о вчерашнем дне.

Холодная дрожь пробежала по телу, и сердце начало колотиться о грудную клетку. Значит, все это и правда случилось. Меня исключили из школы, а Лидию вышвырнули из дома. Я пила виски с Алистером Эллингтоном. Потом Джеймс привез меня домой и пообещал, что все уладит.

Мой взгляд сам собой скользнул к доске для заметок над письменным столом. Мне отсюда не видно, что написано на листке с помятыми уголками, но я и так все помню наизусть.

Мне стало дурно.

– Ты проснулась, – говорит Эмбер хриловатым ото сна голосом.

Я только буркнула в ответ.

Эмбер приподнялась на локте:

– Где ты была вчера? Мама с папой чуть с ума не сошли.

– Я могла бы спросить тебя о том же, – ответила я, поворачивая к ней голову. – Я хотела встретиться у школы, но Мэйси сказала, что тебя не было.

Щеки Эмбер налились румянцем, но она выдержала мой взгляд. Под конец она вздохнула:

– Да, я прогуляла уроки, и что? Мне столько пришлось мучиться с математикой, что просто необходимо было устроить перерыв.

Я смотрела на нее, наморщив лоб. Я знаю Эмбер всю ее жизнь и точно могу сказать, когда она что-то скрывает. Я не хочу загонять сестру в угол, в конце концов, это ее право – иметь свои тайны. Но я ничего не могу поделать со своей тревогой. Я собралась с духом, но не успела ничего возразить, как она быстро добавила:

– Только не говори маме с папой.

Я ответила на ее взгляд и призадумалась.

– Ну же, Руби!

– Я тебя не выдам, – тихо сказала я. – Но если тебе понадобится помощь, по математике там или вообще, ты сразу мне скажешь, идет?

Она кивнула:

– Договорились.

И комнату наполнила неприятная тишина.

– Это правда? – помедлив, спросила Эмбер. – Тебя действительно исключили из школы?

Я села в кровати. Перед глазами мелькают черные точки, и я растираю себе лицо, прежде чем кивнуть.

Тут же раздался тихий стук в дверь, и в комнату заглянула мама. Я пыталась истолковать выражение ее лица, но она, кажется, прилагала все усилия к тому, чтобы не выказать своих чувств.

– Мама... – начала я, но она помотала головой, прерывая меня.

– Мы с отцом хотели бы, чтобы вы спустились вниз, – сказала она без выражения. – У нас к вам серьезный разговор.

Мама исчезает за дверью, и я слышу, как она спускается по лестнице. Я тру глаза, зевая. Эмбер садится рядом со мной на край кровати. Я чувствую на себе ее взгляд.

Не говоря ни слова, я встала и пошла в ванную. Тщательно почистила зубы, чтобы устранить противный привкус, и умылась. Собрала волосы в конский хвост и наспех поправила челку. Когда я вернулась к себе в комнату, в ванную пошла Эмбер. Эта утренняя рутина так привычна, что моя рука сама по себе потянулась к школьной форме, когда я стояла перед шкафом. Я быстро отдернула руку, будто обжегшись о синий цвет. Мне пришлось сделать несколько глубоких вдохов – чтобы подавить внутреннюю панику, и я отодвинула плечики со школьной формой в сторону и выбрала черную миди-юбку и свободную бежевую кофту.

Когда мы с Эмбер спустились в кухню, мама и папа уже сидели за обеденным столом. Будь это нормальное утро, они бы приветствовали нас с улыбкой. Расспрашивали бы нас, какой день нам предстоит, и ставили бы нас в известность о своих планах, пока мы все вместе завтракаем. Теперь же, когда мы сели напротив них, они смотрели на нас без выражения. На кухне слышно только тихое гудение кофейной машины.

Мама и папа переглядывались и, кажется, молча о чем-то совещались. Затем папа посмотрел на меня.

– Что вчера случилось, Руби? – спросил он.

Я растерянно смотрела то на него, то на маму:

– Мама же наверняка тебе все рассказала.

– И все равно я хотел бы услышать это от тебя.

– Меня... меня исключили из школы, – с трудом произнесла я.

– За что?

Я стиснула зубы. Неприятные пупырышки гусиной кожи появились на предплечьях, а на ладонях выступил холодный пот. Никогда еще я не чувствовала себя так неуютно среди родных. Мне так и хотелось встать и уйти к себе в комнату.

– Не знаю, что ты хочешь услышать от меня, папа, – выдавила я. – Может, я должна сказать, что это правда? Что я хотела чуточку улучшить свои оценки перед Оксфордом и ради этого целовалась со своим учителем истории?

Эмбер беспокойно ерзала на стуле. Я не могла взглянуть ни на нее, ни на родителей и вместо этого бессмысленно водила взглядом по кухне. Мой взгляд остановился на часах.

Через пять минут придет школьный автобус. Обычно в это время я уже давно стою на остановке, с рюкзаком на спине. А теперь сижу здесь на кухне как на допросе.

– Нет, не это я хотел бы от тебя услышать, – спокойно говорит отец. – Я хотел бы знать, что за история с этими снимками, да. Но нам всем надо услышать твою версию.

Я удивленно посмотрела на него.

– Потому что я вчера не предоставила тебе такой возможности. И теперь очень сожалею об этом, – дополнила мама. – Я была слишком подавлена этой ситуацией. Сидеть в кабинете ректора и смотреть на снимки... Я поверила в то, что мне рассказал мистер Лексингтон, и не потребовала, чтобы мы выслушали тебя.

Я задержала дыхание.

– Прости, Руби.

Я почувствовала жжение в глазах. В горле застрял комок, и я сделала несколько попыток проглотить его, но не получилось.

– Но тебе не следовало просто так пропадать на целый день. – Ее голос превратился в настойчивый шепот: – Мы так за тебя тревожились.

– Это было неправильно, что мы оставили тебя одну, – продолжил отец.

– И для нас важно, чтобы ты объяснила нам, что произошло, – добавила мама.

Сколько бы я ни моргала, слезы никуда не девались. Эмбер погладила меня по спине. Мне было невероятно радостно, что она в этот момент сидела со мной.

Мама налила чашку чая и настойчиво подвинула ее через стол ко мне. Я вытерла щеки и стала греть пальцы о горячий фарфор. Но холод все равно пробирал меня до костей. Родители не торопили, и я смогла привести в порядок свои мысли. Взвесить, что могу им рассказать. Не будет ли злоупотреблением доверия, если я посвящу семью в тайны моих друзей. Однако теперь дело касалось не только Лидии и Джеймса. И как бы ни были они оба важны для меня, я не могу больше ставить на кон свои отношения с родителями.

– Все началось в тот день, когда я пошла забрать у мистера Саттона рекомендательное письмо, – произнесла я, немного помедлив. – В прошлом году в сентябре.

Родители внимательно слушали меня. Теперь сложившаяся ситуация уже не казалась мне такой пугающей. Напротив, я чувствовала, что нахожусь в правильном месте, где могу, наконец, сказать всю правду. И я продолжила:

– Я думала, у нас назначено время. Но когда заглянула в кабинет, он был там не один.

Начало далось мне с трудом, но чем дальше, тем легче слетали с языка слова. Когда я рассказала, что за этими снимками стоят Сирил и отец Джеймса, мама схватила отца за руку.

– Мортимер Бофорт бессовестный человек, – заявила я охрипшим голосом. – Ради спасения своей репутации он пойдет по головам.

– И ему безразлично, что он разрушает другую семью, – покачала головой мама. – Какой страшный человек.

– Страшный человек? Я бы подобрал несколько другие слова, – произнес папа, и между бровей у него обозначилась вертикальная морщина.

– Удивительно, как монстр мог воспитать такого доброго человека, как Лидия, – поддакнула Эмбер.

Я так долго вела рассказ, что совершенно выдохлась. Я сделала глоток чая в надежде, что комок, который все еще стоял у меня в горле, наконец уйдет.

В кухне воцарилась тишина.

– Я не могу поверить, что ты все это носила в себе так долго и никому не рассказывала, – произнес, наконец, папа. Он снял очки и потер глаза.

Чай остыл, и я отставила свою чашку.

– Я просто не могла обмануть доверие Лидии и Джеймса.

– Но речь идет не только о них двоих, – мягко высказала Эмбер то, что я и сама вчера поняла.

– Я понятия не имею, как убедить ректора Лексингтона в своей честности. Мистер Бофорт – член родительского комитета, он каждый год делает огромный спонсорский взнос, как и родители Сирила. Если их слово поставить против моего, то ясно ведь, кому он скорее поверит.

– Но есть и оригинальные снимки, исходники, верно? – спросила мама.

– Сирил их стер. Если они и есть у кого-то, то у него или у мистера Бофорта.

– Даже если и есть, как Руби доказать, что это не обработанные снимки?

– Все это ничего не даст, – сказал папа, качая головой. – Нам надо поговорить с ректором и сказать ему правду.

– Нет! – воскликнула я. – Только не это. Я не могу выдать Лидию. Отец и без того сослал ее неизвестно куда. Что, вы думаете, он сделает, если все это выплывет наружу?

Я вспомнила, что Джеймс рассказывал о своем отце. О холоде в глазах мистера Бофорта, о разбитой губе и о красных пятнах на лице Лидии.

– Этот человек непредсказуем, папа.

Мама через стол дотянулась до моей руки и крепко ее стиснула.

– Это замечательно, Руби, что ты так оберегаешь своих друзей, но ведь речь идет о твоём будущем.

– Мама, я действительно не могу так поступить с Лидией, – тихо произнесла я. – Мне остается только верить в то, что Джеймс заставит Сирила пойти к Лексингтону и рассказать ему правду о снимках.

Мама тяжело вздохнула и посмотрела на папу. Выражение его лица изменилось. Он был настроен решительно.

– Все равно мы должны поговорить с ректором.

Я открыла рот, чтобы возразить ему, но он поднял руку, останавливая меня:

– Мы не будем ничего говорить о Лидии, но я хочу, чтобы он перепроверил подлинность этих фотографий.

Я сжала губы. Мне хотя и стало легче после того, как я выговорилась перед родителями и выложила им всю правду, но меня тревожило то, как разделились наши мнения относительно этой ситуации.

– Прошу вас, пусть сперва Джеймс попытается поговорить с Сирилом, прежде чем мы начнем что-то предпринимать, – взмолилась я.

Мама с папой переглянулись.

– А ты можешь доверять Джеймсу? – мягко спросила мама. – Ведь это он сделал снимки.

Я оцепенела. Конечно же, мама права. Нет никаких объективных причин доверять мою судьбу в руки Джеймса.

– Все не так, как ты думаешь, мама, – неожиданно подоспела на помощь Эмбер. – Джеймс на самом деле влюблен в Руби. Он никогда не причинит ей боль намеренно.

Жар хлынул мне в лицо. Когда я метнула на Эмбер свирепый взгляд, она только пожала плечами:

– Достаточно провести с вами одну минуту, чтобы сразу заметить это.

Мама посмотрела на папу, а у того лицо по-прежнему оставалось совсем не довольным.

Я затаила дыхание.

– Дадим ему одну неделю, – решительно заявил папа. – И тогда пойдем к Лексингтону. Ты слишком много работала, чтобы уничтожить свое будущее чужим враньем.

Голос папы дрожал от подавленной ярости, но прежде, чем мы что-нибудь успели сказать в ответ, он положил руки на колеса кресла-каталки и поехал прочь из кухни.

Мама опять стиснула мою руку:

– Спасибо, что ты все нам рассказала.

Я тяжело сглотнула и кивнула.

– Надеюсь, ты сможешь простить меня. Я не знала, что мне делать с этой ситуацией.

– Я знаю, – пролепетала я и сжала мамину руку в ответ. – Все хорошо.

Она встала и наклонилась поцеловать меня в макушку. После этого вышла вслед за отцом.

Чувство легкости постепенно проходило. Вместо него вернулась усталость, и я положила голову на плечо Эмбер. Она погладила меня по волосам.

– Но по крайней мере они не узнали, что я не была в школе, – пробормотала она.

Я нашла в себе силы ткнуть за это сестру кулаком в бок.

6

Джеймс

Я поднес палец к звонку, но не отважился нажать на кнопку. Как будто кто-то приковал к моему запястью невидимую железную цепь, и она теперь удерживает меня.

При том, что я не впервые стою перед дверью дома Руби. И это не первый раз, когда я взволнован перед встречей с ней и ее родителями. Однако после всего, что произошло за последние сутки, я понятия не имею, что меня ожидает за этой дверью. Как я посмотрю в глаза родителям Руби, и что мне им сказать. Не знаю я этого и о самой Руби. Что, если она не готова меня простить и опять прогонит?

От этой мысли судорожно сжимается желудок. Не помню, чтобы когда-нибудь так нервничал, как в этот момент.

Но это не повод для того, чтобы уйти. Я дал Руби обещание – несмотря на то, что Лин, вероятно, убьет меня, если я передам ее конспекты с опозданием.

Я сделал глубокий вдох. Потом, собрав все свое мужество, нажал на кнопку звонка Беллов. Проходит полминуты – и дверь медленно открывается. Отец Руби смотрит на меня снизу вверх, взгляд у него жесткий и требовательный, и решимость в его глазах сразу напоминает мне о Руби.

Я откашлялся.

– Здравствуйте, мистер Белл...

– Джеймс, – ответил он без выражения. Очевидно, что мужчина не рад моему визиту.

– Я принес Руби домашние задания. Кроме того, у меня с собой конспекты тех уроков, которые она пропустила, – сказал я и в качестве доказательства поднял стопочку листов.

Прошло несколько секунд, в течение которых мистер Белл молча меня рассматривал. Я выдержал его взгляд, как всегда пытаюсь выдержать взгляд Руби.

– Входи, – говорит он наконец и откатывается на своем кресле в сторону, давая дорогу. Я вхожу в тесную прихожую, при этом мне, как и в прошлый раз, первым делом бросаются в глаза семейные фотографии.

Если у меня будет собственный дом, я хотел бы повесить там такие же фотографии, – проносится в голове, и эта мысль застает меня врасплох, поэтому я отвожу взгляд.

– Руби! – крикнул мистер Белл так громко, что я вздрогнул. – К тебе пришли!

На верхнем этаже послышались шаги, потом скрип, когда Руби медленно спускалась по лестнице. Когда она увидела меня, глаза ее расширились от удивления.

– Хей, – тихо сказал я, когда она встала передо мной.

Я понимал, что это не совсем подходящее приветствие. И с радостью бы дал ей больше, но не могу. Не могу, пока мистер Белл пристально наблюдает за нами.

– Джеймс пришел, чтобы передать тебе домашнее задание, – объяснил он. – Проходите же в гостиную. Мы с Хелен и без того собирались устроить чаепитие.

Я смотрел ему вслед, пока он не скрылся на кухне. Потом мой взгляд снова устремился на Руби. Вид утомленный, подавленный, и мне больше всего хотелось бы обнять ее и утешить. Но я знаю, что ей это не поможет, не говоря уже о том, что не решит ее проблему, и я сдержался и вопросительно указал головой в сторону гостиной.

Руби кивнула и пошла впереди меня, я последовал за ней.

– Мы с Лин подумали, что тебе наверняка захочется иметь записи уроков, чтобы не пропустить лишнего, – произнес я, когда мы сели на диван. Я положил на стол стопку листов.

– Ты разговаривал с Лин? – спросила Руби. Она наклонилась вперед, чтобы прочитать, что написано на верхнем листке.

– Да. Мы вместе сидели в обеденный перерыв и обсудили, кто будет записывать для тебя конспекты.

Уголки рта Руби слегка двинулись вверх – едва заметно, но двинулись.

– Она за тебя беспокоится, – продолжал я. – Говорит, что со вчерашнего дня не может дозвониться...

– Мне что-то не хочется ни с кем разговаривать...

– Могу понять.

Мы немного помолчали, потом Руби подняла первый листок и вопросительно взглянула на меня:

– Что означает эта наклейка?

Я откашлялся:

– Каждый предмет отмечен своим цветом, – объяснил я. – Чтобы тебе легче было ориентироваться. Лин рассказала про цветовые коды. Вот это математика.

Руби переводила взгляд то на меня, то на бумажки, и грусть постепенно уходила из ее глаз. Она сменялась чем-то другим, более теплым, пока в конце концов на ее лице не появилась легкая улыбка. Руби стянула всю стопочку бумаг к себе на колени и принялась подробнее рассматривать записи.

– Я думаю, тебе лучше все это посмотреть в спокойной обстановке, и, если возникнут вопросы, я помогу. Кроме литературы – там вы уже на «*Анне Карениной*», а мы еще даже не начинали. Но Лин все знает...

Руби отсутствующе кивнула и продолжила просматривать записи.

– Надеюсь, почерк разборчивый. Я правда старался, но...

Дальше я не договорил. Руби обняла меня.

– Это круто, спасибо.

Пара бумажек упала на пол, но в эту минуту я не думал о них. Я как мог ответил на робкое объятие Руби.

– Я не хотела бы бросать Макстон-холл, – сказала она. Ее голос был приглушен моим пиджаком.

– Я знаю, – ответил я.

Она еще теснее прильнула ко мне, и я крепко прижал ее к себе. И тут что-то гроыхнуло у нас за спиной.

– Привет, Джеймс.

Выпускать Руби из объятий мне совсем не хотелось, но подтрунивающий тон Эмбер не оставлял мне выбора. Я обернулся. В дверях гостиной стояли сестра Руби и ее мать. Я вскочил с дивана.

– Здравствуйте, Хелен, – сказал я, поправляя пиджак. – Приветик, Эмбер.

На какой-то момент в комнате повисла неприятная тишина. Потом Хелен сделала пару шагов ко мне. Я на секунду испугался, уж не хочет ли она вlepить мне пощечину, – но мать Руби меня удивила.

Она обняла меня.

Я даже растерялся и не знал, что делать.

Хелен Белл *обнимала* меня.

– Мне очень жаль, Джеймс, за то, что происходит у тебя в семье.

От ее слов мое дыхание пресеклось.

Она отстранилась, но продолжала держать меня ладонями за плечи. Тело оцепенело. Я не мог шевельнуться, не мог произнести ни слова. Я вспоминал, когда моя мать в последний

раз обнимала меня. Это было в наш с Лидией последний день рождения, за завтраком. Она сперва шагнула с распростертыми объятиями к Лидии, а потом обняла меня.

– Если есть что-то, что мы могли бы сделать для тебя и твоей сестры, не стесняйся, скажи, – продолжала Хелен, и я вытеснил воспоминание о маме из головы.

Я рассчитывал на то, что на меня зарычат. Я рассчитывал на ненависть. На то, что у меня перед носом захлопнут дверь. А тут мама Руби обнимает меня и предлагает помощь. Мне. Хотя именно из-за меня Руби исключили из школы.

Я с трудом сглотнул. В эту секунду я растерялся. Заметил только, что мне стоит все больших сил выдерживать ее взгляд и не дать ей заметить, как меня тронули добрые слова. Может, это особое оружие Хелен – кротость.

– Джеймс занес мне конспекты уроков, чтобы я ничего не пропустила, – подала голос Руби и тем самым вырвала меня из ступора. Если бы она не заговорила, я бы, наверное, так и простоял столбом в гостиной Беллов.

Только когда Хелен повернулась к Руби и направилась к дивану, мне удалось, наконец, вдохнуть. Мне потребовалось еще некоторое время, чтобы собраться и пойти к Руби, которая вместе с Эмбер собирала с пола упавшие бумажки.

Эмбер внимательно разглядывала один листочек и потом показала его Руби.

– Выглядит так, будто ты сама это написала, – сказала она, забавляясь.

Руби оглянулась на меня с улыбкой, которая словно стрелой пронзила мое сердце.

– Да, разве?

Я подошел к дивану и сел. Сердце все еще стучало, но благодаря близости Руби нервы постепенно успокаивались.

– Эмбер, идем, мне нужна твоя помощь на кухне, – неожиданно заявила Хелен.

Эмбер наигранно закатила глаза, но последовала за матерью, не возражая.

И мы с Руби снова остались одни.

Я повернулся в ту сторону, куда они ушли.

– У тебя такой вид, будто ты увидел привидение, – шутя произнесла Руби.

– Твоя мама... – Я не знал, как описать свои чувства. Лишь помотав головой, я откинулся на спинку дивана и улыбнулся Руби.

– Надеюсь, ничего, что я им все рассказала?

– Конечно, – немедленно ответил я. – Твои родители должны знать правду.

Она с облегчением вздохнула:

– Я не была уверена, как ты на это посмотришь.

Я кивнул. Того, что связывает Руби с ее семьей, сам я никогда не знал. Но понимаю, как это ценно.

– Мне очень нравится, какие у вас отношения друг с другом. То, что ты можешь обо всем с ними говорить, вовсе не само собой разумеется. Я никогда не хотел на тебя давить. Извини.

– Ты и не давил на меня. Я сознательно держала их подальше от всего этого. И я поступала так больше двух лет, – ответила она тихо, но решительно.

Я смотрел на свои пальцы.

И думал о том звуке... пощечине, которую отец отвесил Лидии. Прошлой ночью мне все это снилось, и я снова и снова просыпался от этого.

– Джеймс? – прошептала Руби.

Я разглядывал кожу, побелевшую на костяшках пальцев.

– Мне иногда хочется, чтобы у нас тоже было так. Чтобы у меня были родители – семья, с которой я мог бы говорить обо всем, как ты со своей. Я...

Больше я ничего не смог произнести.

– Я знаю, – сказала Руби. Она чуть придвинулась ко мне, и наши колени теперь соприкасались.

– Я не могу поверить, что отец выслал Лидию. – Дыхание вдруг участилось. В груди сильно застучало, и вместе с тем мне казалось, что я будто не здесь. – Я ничего не мог сделать, чтобы помешать этому. Я просто ничего не мог сделать, Руби.

Руби прикрыла ладонями мои сжатые кулаки. Ее прикосновение было мягким и теплым, она заговорила:

– Никто бы не смог этому воспрепятствовать. Ты сделал все возможное.

Я тяжело сглотнул. В горле у меня застрял, казалось, миллион канцелярских кнопок.

– И все равно этого было недостаточно. И... я сожалею о том, что произошло вчера.

– Я знаю, – тихо ответила Руби. Она сжала мои руки, и я поднял голову, чтобы взглянуть на нее. И увидел в ее глазах печаль, но и что-то другое. Что-то такое, за что я ухватился.

– Жить для тебя и для Лидии – сейчас для меня самое важное. *Вы* для меня самое важное.

Я расслабил ладонь, чтобы взять руку Руби. Осторожно поднес ее к лицу и прижался к ней губами.

Взгляд Руби становился все теплее. Все живее.

– Я немного сомневалась в этом, – тихо созналась она. – Перед кабинетом Лексингтона.

Я кивнул. Да, я это видел. Недоверчивый взгляд и спрятанное в нем разочарование – это почти уничтожило меня. Я знаю, что в прошлой жизни наделал много ошибок. Но эти фотографии – это совсем не про меня. Такая подлость больше не свойственна человеку, которым я стал. Или хотел быть.

– Я даже не знал, что эти снимки остались в телефоне.

Руби коротко кивнула. Потом тяжело вздохнула:

– Будет тяжело убедить Лексингтона в правде.

– Но, вероятно, все-таки удастся.

Некоторое время мы оба думали каждый о своем.

– А что с Лидией? – спросила Руби.

Я откашлялся.

– Она будет жить у Офелии и учиться на дому, чтобы получить аттестат. Отец пригрозил ей подать в суд на Саттона, если она откажется уехать.

Руби напряглась, и я увидел у нее в глазах вспышку такого же гнева, какой чувствовал и сам.

– Я с удовольствием собрал бы и свои вещи.

– Почему ты этого не сделаешь? – осторожно спросила Руби. – Может, тогда бы он пришел в себя и понял, что сделал ошибку.

Я отрицательно помотал головой:

– Я не могу еще больше накалять обстановку. Если уйду, у меня не будет шанса убедить отца вернуть Лидию назад.

Руби наморщила лоб:

– Тогда это означает...

– ...что сперва я сделаю то, что он хочет, – сказал я без выражения.

– О, Джеймс.

Я пожал плечами. Последнее, что я хотел бы, – это снова грузить Руби своими семейными проблемами. Ей хватает и своих, чтобы еще беспокоиться обо мне и о Лидии.

– Ты думаешь, он когда-нибудь изменится? – спросила Руби и погладила большим пальцем мою ладонь.

Я прислушался к себе. Я никогда не думал о том, что отец когда-нибудь может измениться. Для меня он всегда был Мортимером Бофортом, бизнесменом, который возлагал на меня большие надежды и с самого детства подвергал такому давлению, что постоянно возникало чувство, словно я вот-вот задохнусь.

Мне часто снится сон, что я тону в море, а мой отец стоит надо мной и смотрит, как я гибну. Точно такое же чувство я испытывал и сейчас.

– Думаю, нет, – хрипло сказал я.

Руби еще немного придвинулась ко мне, и я прислонился головой к ее голове.

– Я живу для тебя, – прошептала она.

Я ничего не смог на это ответить. Только обнял ее за талию и прижал к себе.

– Я думал навещать Лидию на выходных, – сказал я после паузы. – Ей будет хорошо у Офелии, я уверен. Но она никого не знает в Бекдэйле, а я не хочу, чтобы она чувствовала себя одиноко.

Руби посмотрела на меня с сочувствием, а уж этого мне хотелось меньше всего. У нее достаточно своих забот.

– Можно я поеду с тобой? – спросила она через некоторое время.

– К Лидии?

Руби кивнула. Должно быть, она почувствовала мое удивление, потому что до того, как я ответил, быстро добавила:

– Как-нибудь. И только если ты захочешь.

– Лидия, безусловно, обрадуется. – Я немного отодвинулся, чтобы посмотреть на Руби, и тихо добавил: – И я тоже.

Я сделал бы все для того, чтобы остаток дня провести с Руби, но было еще одно дело, которое мне предстояло сделать, – и далеко не самое приятное.

Я припарковал машину перед клубом *Red Heaven* и вышел. Ездить самому непривычно, но Перси, вернувшись из Пемвика в субботу, заболел и с тех пор больше не объявлялся. Я не могу быть на него в обиде из-за этого. Отвезить плачущую Лидию к Офелии и после этого возвращаться – та еще радость.

Я захлопнул дверцу машины немного сильнее, чем необходимо, и прошел несколько метров до входа. Солнце почти зашло, и лишь слабо алела вдали заря.

Отодвинув тяжелый бархатный занавес, я вошел. В нос ударил типичный сладковатый запах, и я сразу почувствовал давление в голове. Кажется, я никогда еще не был трезвым в этом месте. Без воздействия алкоголя этот запах в сочетании с видом шестов, на которых в розовом свете танцовщицы вертятся, кажется каким-то нереальным. Как мир, которому я чужой.

– Джеймс! – послышался издали громовой голос Бера. Кроме него и танцовщиц в этой части клуба больше никого нет, что меня не удивляет. Основное шоу начинается гораздо позже.

Я увидел, как владелец клуба *Red Heaven* идет мне навстречу с распростертыми объятиями. Его имя не подходит ни к его рослой, статной фигуре, ни к его сшитому по мерке костюму фирмы «*Бофорт*».

– Сначала Сирил, теперь ты. Чему я обязан такой честью?

– Бер, – приветствовал я старого знакомого, протянув руку. Его пожатие почти такое же крепкое и неуступчивое, как у моего отца. Я отвечаю на него, не моргнув глазом. – Мне нужен Сирил. Где он?

В глазах Бера появилась серьезность, хотя улыбка не сползла с его губ ни на миллиметр.

– Он в одной из задних комнат и ни в чем себе не отказывает.

Я сухо сглотнул. Это-то было понятно.

– Надеюсь, он в состоянии разговаривать.

Бер показал рукой, куда мне идти.

– Судя по твоей замогильной мине, он чего-то натворил.

Я не ответил Беру, устремив взгляд на тяжелую дверь, ведущую в VIP-зону.

– Но ты помнишь, Джеймс, что я не терплю драк и разборок, – продолжил он мрачным голосом. – Если вам надо выяснить что-то между собой, то здесь неподходящее место для этого.

– Я не собираюсь ни с кем драться, – сказал я.

– Хорошо, – успокоился Бер, открывая мне дверь. – Он там в самом конце.

Я кивнул и двинулся по коридору. Без колебаний отвел в сторону занавес.

Сирил сидел на черном кожаном диване. Вид у него был расслабленный, голова запрокинута; он любовался танцовщицей, которая двигалась перед ним в такт музыке. Он смотрел, как она зарывается руками в волосы и вращает бедрами. Медленно приседает...

Я кашлянул.

Сирил даже голову не повернул в мою сторону, но я заметил, как он напрягся каждым мускулом своего тела.

– Линетта, – сказал он, не сводя с танцовщицы глаз. – Не могли бы мы сделать небольшой перерыв?

В его тоне невозможно было различить ни одной эмоции.

Линетта удивленно замерла, но потом кивнула, увидев меня. Она сошла с маленького танцевального помоста и, выходя, коротко мне улыбнулась.

Я медленно двинулся к дивану. Пододвинул к себе кожаный пуфик, чтобы сидеть напротив Сирила. Тот до сих пор так и не потрудился взглянуть на меня. Взгляд у него был мутный, как будто наряду с алкоголем он употреблял и нечто более тяжелое.

Я вспомнил вчерашние слова. Провокацию, которая звучала в голосе: *Спроси его, Руби. Спроси его, кто сделал эти снимки.* И то, как он вернул мне телефон, глумливо поблагодарив за него. Мне стоило больших усилий тут же не броситься на него.

Я знаю Сирила. Он бы как раз хотел, чтобы я атаковал его. Но такую любезность я ему не окажу. Я не помогу ему вывалить свои боль и агрессию на меня. А то, что Сирил страдает, было совершенно очевидно. По крайней мере, если знать его всю жизнь, как знал я.

– Отец выгнал из дома Лидию, – начал я наконец.

Мои слова произвели ожидаемый эффект: Сирил вздрогнул и посмотрел на меня мутными глазами.

Лидия была единственной, кто его интересовал. Я знал, чем можно к нему пробиться.

– Он на нее накричал, побил и отослал к нашей тете в Бекдэйл, Си, – продолжал я спокойным тоном. Я поклялся себе сохранять холодную голову, но в тот момент, когда это воспоминание настигло меня, руки сами сжались в кулаки. Это произошло совершенно инстинктивно.

В глазах Сирила вспыхнуло что-то темное:

– Он сказал, что позаботится о том, чтобы Саттон исчез из ее жизни. Что мы одним ударом сможем избавиться от них обоих.

Мои ногти впились в кожу ладоней:

– А что такого тебе сделала Руби, черт возьми? – прорычал я.

Си выдавил из себя смешок, но звучал он совсем не весело. После потер лицо ладонями и зарыл их в свои темные волосы.

– Слушай, до того, как они оба появились, все было прекрасно.

– Ничего не было прекрасно. До того, как Лидия познакомилась с Саттоном, ей было погано.

Плечи Сирила напряглись. Он тоже сжал кулаки.

– Неправда.

– Может, ты просто знаешь ее не так хорошо, как тебе хотелось бы.

– Черт, – выдавил Сирил и ударил кулаком в обивку дивана. – Я всего лишь хотел, чтобы все стало так, как раньше!

– Ты делаешь вид, что раньше все было зашибись, Си. Но это далеко не так.

– Это было самое лучшее время, – сказал он дрожащим голосом. – Нас не интересовало, что думают другие. Мы были *непобедимы*, Джеймс. А теперь от этого не осталось и следа.

Щеки у него покраснели, плечи быстро поднимались и опускались.

Внезапно я понял, в чем была проблема. В то время как я действительно не хотел той жизни, которую для меня выбрали родители, у Сирила все было по-другому. В то время как я боялся будущего, Сирил радовался тому, что поедет в Оксфорд и пойдет по тому пути, который ему уготован. В то время как во мне горело желание *бóльшего*, Сирила устраивало то, что есть.

– Уж не хочешь ли ты внушить мне, что пошел на все это ради нашей дружбы?

– Разумеется, я сделал это ради нашей дружбы. – Сирил, казалось, готов в любой момент вскочить.

– Ты сделал это для себя. Из эгоизма. Потому что не можешь смириться с переменами.

– Это неправда, – возразил он.

– А что же ты думал? Что мой отец рад этим новшествами? – холодно спросил я.

– Он сказал, что позаботится о том, чтобы Саттона больше не было. А большего желать не надо.

Я фыркнул:

– Ты добился противоположного. Ни Лидия, ни я уже не сможем смотреть на тебя прежними глазами.

Сирил вздрогнул. Как будто я ударил его по лицу.

– Я... этого не хотел. Я не знал, что он накажет Лидию.

Я подался на своем пуфике вперед и заглянул Сирилу в глаза.

– Ты принес проблемы людям, которые мне дороже всего. Этого я никогда не забуду.

– Но я не могу исправить то, что сделано. – Голос его звучал вымученно, он буквально выдавливал из себя слова.

– Нет, можешь.

Он отрицательно помотал головой:

– Лексингтон не поверит ни одному моему слову, если я пойду к нему. Кроме того, я погублю собственную репутацию.

Я со всего размаха стукнул по столику, который стоял между нами. Боль взорвалась у меня в кулаке и пронзила всю руку, но сейчас это было безразлично.

– Мне плевать на твою проклятую репутацию, Сирил! Ты погубил жизнь Руби.

Я смотрел на Сирила с вызовом.

– Я знаю, что у тебя сохранились оригиналы фотографий. Даю тебе одну неделю на то, чтобы ты пошел с ними к Лексингтону.

– Я...

Я встал и посмотрел на него сверху вниз:

– Если ты не передашь Лексингтону эти фотографии, то наша потерянная дружба будет меньшей из твоих проблем, – сказал я убийственно тихо.

Сирил тяжело сглотнул. Он, потупившись, смотрел на свои руки, сжимая и разжимая кулаки. Нельзя было не заметить, что в нем идет неумолимая борьба с самим собой.

Но в этом я не мог ему помочь. Я сказал все, что собирался.

– Джеймс, – прохрипел Сирил, когда я уже был у выхода. – Я правда этого не хотел.

Ярость на Сирила в паре с неизвестностью, что теперь будет с Лидией и Руби, привела к тому, что мне стало плохо. Может, Сирил в душе и неплохой человек, но в этот момент я не знал, можно ли еще спасти нашу дружбу. В эту секунду я даже смотреть на него не мог.

– Я знаю.

Не говоря больше ни слова, я вышел из клуба.

7

Грэхем

«БОФОРТ»

Вот уже не меньше пяти минут я стою на одном месте и таращусь на модную вывеску, которая красуется на фасаде стеклянного здания.

Раньше я часто проходил здесь, моя театральная труппа собиралась недалеко отсюда на репетиции. Но до меня никогда не доходило, что это резиденция *Компании «Бофорт»* – наверное, потому, что я никогда не интересовался ни модой, ни крупными концернами.

Мне всегда хотелось лишь одного: стать учителем.

Когда Лидия назвала свою фамилию, эта фамилия ни о чем мне не рассказала. Ей пришлось давать подсказки, чтобы я сообразил, что тот костюм, который мой дед подарил мне по случаю окончания Оксфорда, был сшит в компании ее семьи.

Я уже в который раз поправляю воротничок темно-зеленой рубашки и ремень сумки, повешенной на плечо.

Бросаю взгляд на наручные часы: четырнадцать пятьдесят пять. Я делаю глубокий вдох и двигаюсь к цели.

Вместе с двумя деловыми людьми в костюмах я прохожу внутрь через большую вращающуюся дверь и оказываюсь в вестибюле современного высотного дома.

Лидия однажды рассказывала, что первая резиденция фирмы «*Бофорт*», в которой располагались главный филиал и цеха – раскройный и пошивочный, – в восьмидесятые годы стала маловата, и тогда рядом было построено это здание, в котором постепенно разместились отделы маркетинга, прессы, бухгалтерии и правления. В здании было двадцать этажей, и не оставалось сомнений, что именно в этом месте ведутся главные дела предприятия.

У меня холодок пробежал по телу, когда я остановился сразу за дверью. Пол вестибюля был из светлого мрамора, а стены из сплошного стекла. В середине холла красовалась эмблема «*Бофорт*», а над ней полукругом – название предприятия.

– Чем я могу вам помочь? – спросил молодой человек, когда я, наконец, подошел к приемной стойке. Волосы у него были зачесаны набок при помощи геля, и на нем – как почти на всех здесь – был черный костюм, сидящий так ладно, будто прирос к его телу.

Я намеренно оставил свой *Бофорт*-костюм в шкафу, но теперь уже сомневался, не было ли это ошибкой. В джинсах и клетчатом, немного великоватом пиджаке я казался себе прокаженным.

– Меня зовут Грэхем Саттон. У меня назначена встреча с мистером Бофортом, – объяснил я.

Молодой человек поднял брови, но в следующий момент склонился к компьютеру и несколько раз щелкнул мышкой.

– А, вот вы где. – Он молниеносно что-то набил на клавиатуре, потом откатился на своем стуле немного назад, к черному шкафу, и вытянул из него ящик. Вернулся назад к стойке и выдал мне прямоугольную белую карточку. На ней значилось: *Пропуск посетителя*, сверху красовался логотип «*Бофорт*», а внизу черный штрих-код.

– Пройдите направо через турникет, пропуск поднесите к сканеру. Слева будут лифты. Вам надо подняться на самый верхний этаж.

– Понял. Спасибо, – сказал я, взял пропуск и пошел в ту сторону, куда он указал.

– Удачи, – крикнул он мне вдогонку.

Если бы он знал, как сильно я в ней нуждаюсь.

Со мной в одном лифте поднимались женщина и мужчина. Они придирчиво оглядели меня, увидев, на какой этаж я еду. Я отвел глаза и нервно смотрел на свои поношенные башмаки из коричневой кожи.

Поездка на двадцатый этаж проходила как в замедленной съемке, хотя лифт был скоростной. Я все время думал о Лидии. Я пять дней не получал от нее никаких известий и почти заболел от тревоги. Весь вечер понедельника я пытался до нее дозвониться, но после нашего последнего разговора ее телефон был отключен. Лишь поздно ночью я получил электронное письмо:

Я и правда приношу тебе только проблемы. Может, будет лучше, если ты меня забудешь. Прости. – Лидия.

На мой ответ она не среагировала. Я не знал ни где она, ни как себя чувствует. Когда мне позвонила секретарша мистера Бофорта, у меня земля ушла из-под ног.

Если отец Лидии пожелал со мной говорить, это могло означать только одно: он в курсе. С одной стороны, это пугало меня больше, чем первый преподавательский день в Макстон-холле, с другой стороны, я испытывал от этого... чуть ли не облегчение? Последние дни были, без сомнения, самыми тяжелыми за всю мою жизнь. Я потерял работу, а с ней, вероятно, и будущее. Но посреди всей этой безнадежности была и мысль о Лидии. Лидия, с которой я теперь, возможно, могу иметь общее будущее, не испытывая страх и угрызения совести. Это была высокая цена за то, что случилось, но Лидия стоила того, чтобы заплатить эту цену.

Я вышел из лифта последним. Темноволосая женщина за приемной стойкой приветствовала меня со сдержанной улыбкой:

– Мистер Саттон, садитесь, пожалуйста, вот там. Мистер Бофорт скоро освободится. – Она указала на ряд стульев в конце холла.

Я направился к ним, но вместо того чтобы сесть, встал у стеклянной стены, тянувшейся по правой стороне этажа; отсюда открывался впечатляющий вид на Лондон. Я смотрел на город, в котором вырос. Темза блестела в лучах весеннего солнца – спокойствие, умиротворение, такой контраст с тем, что сейчас бушевало внутри меня.

– Мистер Саттон, теперь вы можете войти, – сказала женщина.

Я откашлялся.

– Спасибо.

Потом глотнул воздуха, пошел мимо стульев к двери и нажал на ручку.

Кабинет отца Лидии выглядел так же, как и все здание – чисто, холодно и бесчувственно. На правой стороне стоял серебристый шкаф для деловой документации, а рядом с ним простой серый диван на металлических ножках. Слева был письменный стол с большой стеклянной столешницей.

Мистер Бофорт расположился перед фронтом окон позади стола. Он сцепил руки за спиной и повернулся только тогда, когда дверь закрылась за мной с легким щелчком.

– Садитесь, Саттон, – пригласил он, указав на один из стульев перед письменным столом.

Меня смутило отсутствие приветствия, но я последовал его приглашению:

– Мистер Бофорт...

Он подошел к столу, сел и положил обе руки на стол перед собой. Справа стоял большой компьютер, экран которого не светился, а на другой стороне было несколько стопок бумаги, в том числе каталоги и эскизы. Я задержал на них взгляд, но потом снова посмотрел на мистера Бофорта.

– Наверняка вы знаете, почему я пригласил вас сюда, – начал он, не выказывая ни малейшего волнения.

– Могу предположить, – ответил я.

– Я исхожу из того, что моя дочь известила вас о своем переезде.

Я спокойно выдержал его взгляд и попытался не выдать своим видом, что понятия не имею, о чем он говорит.

– То, что произошло, необратимо. Но я бы посоветовал вам не менять ваш оксфордский диплом на отношения, которые не имеют шансов.

Меня словно ударили в грудь. Он вообще не знал меня. Он не знал, что связывает нас с Лидией, как сильно мы помогали друг другу. И он понятия не имел, как мы нуждаемся друг в друге, сейчас больше, чем когда-либо.

Я пришел сюда не в ожидании получить благословение. Никакой отец не захотел бы, чтобы его дочь начала отношения со своим учителем, это понятно. Но пренебрежительный тон, каким он говорил со мной, и тот факт, что он пытается меня запугать, были смешны. Его деньги мне абсолютно безразличны. Не ему указывать мне, что я должен делать и чего не делать, и уж тем более ему не стоило угрожать.

– Я не уверен, что последую вашему совету, сэр.

– Тогда я хотел бы выразиться точнее, мистер Саттон, – сказал он, подавшись вперед и сцепив руки. Краем глаза я отметил, как побелели костяшки его пальцев. – Вы должны немедленно прекратить всякий контакт с моей дочерью. Если я узнаю, что вы поддерживаете общение с Лидией или хоть раз окажетесь вблизи нее, я позабочусь о том, чтобы вы пожалели об этом.

Он произнес эти слова с уверенностью человека, который всегда добивается своего и не терпит возражений.

Я спросил себя, не должен ли испытывать страх, но вместо этого думал о Лидии. О том, что мы пережили друг с другом, и о том, что нам готовит будущее.

В прошлую субботу, на весеннем балу мне стало ясно, что я больше не могу противиться своим чувствам к Лидии. Я сделал свой выбор. Я понимаю, что будет нелегко. Ее отец, может быть, самое большое препятствие на нашем пути, но далеко не единственное. Без Лидии моя жизнь бесцветна. Без нее она просто не имеет смысла. И что бы ни случилось, я не отступлюсь без борьбы. Я не позволю отнять у меня Лидию, тем более отцу, который только и делал, что унижал ее, хотя она способна на многое.

– При всем уважении, мистер Бофорт, это даже не рассматривается, – сказал я, и мой голос звучал не менее холодно, чем его.

Теперь наступила очередь мистера Бофорта дважды растерянно моргнуть. Кажется, он не привык, чтобы кто-то ему возражал. Этот момент длился всего лишь долю секунды, а потом он снова овладел собой. Я слышал его выдох.

– Хорошо. Тогда давайте подойдем к делу по-другому.

Он нагнулся в сторону и поднял на стол чемоданчик-«дипломат». Развернул его ко мне лицом и щелкнул двумя замками.

Когда крышка поднялась, я стиснул зубы так, что они скрипнули.

Лицо королевы улыбалось мне с купюр в стократно размноженном виде.

Воротник рубашки вдруг показался мне нестерпимо тесным, и я едва удержался, чтобы не расстегнуть его. Я медленно поднял взгляд и уставился на безэмоциональное лицо мистера Бофорта.

– Расценивайте это как возмещение неудобств, – непоколебимо продолжал он.

Пульс ускорился, и я тщетно пытался сделать глубокий вдох.

– Я не хочу ваших денег, мистер Бофорт.

Он поднял брови:

– Эта сумма более чем щедрая.

– Дело вообще не в этом!

Черт, я повысил голос. Как раз этого я не хотел, но этот человек не оставил мне выбора.

– Вы не понимаете, что делаете Лидию несчастной своим поведением?

Теперь скрипеть зубами пришлось ему.

– Следите, пожалуйста, за тем, что говорите, – процедил он убийственно тихо.

Я отрицательно помотал головой:

– Вы были для Лидии *героем*. Она готова была отдать все, чтобы вы воспринимали ее всерьез и ввели в компанию «*Бофорт*». Но для вас всегда существовал лишь один путь, для которого ваша дочь не подходила. Она вас никогда не интересовала. Вам все равно, что с ней происходило, лишь бы только фирма процветала. Вы слепы к заботам Лидии. То, что вы теперь пытаетесь вмешаться в ее жизнь таким образом, лишний раз доказывает, что вам плевать на нее.

Мистер Бофорт встал так резко, что его стул ударился о стеклянную стену позади него:

– Вы понятия не имеете, о чем говорите.

Я тоже встал, чтобы наши глаза оказались на одном уровне:

– А вы ничего не знаете о том, что натворили.

– Я сделаю для своих детей все, независимо от того, входит это в ваши планы или нет.

В конечном счете решения, которые я за нее принимаю, служат ее защите. Если бы вы сами были отцом, вы бы это понимали.

За спиной открылась дверь, но меня не интересовало, слушает ли кто-то еще наш спор или выведет ли меня служба безопасности. Я и без них не собирался сюда когда-либо возвращаться.

– Когда я стану отцом, то буду прислушиваться к своим детям, – огрызнулся я. – Я буду поддерживать их во всем, чего они захотят. И я никогда, *никогда* не буду подчинять их жизнь своим целям.

Мистер Бофорт поджал губы. Но теперь он смотрел не на меня, а на дверь кабинета. Я растерянно оглянулся.

В дверях стоял Джеймс. Он переводил взгляд с меня на своего отца и, наконец, остановил его на «дипломате», который по-прежнему стоял передо мной раскрытым.

Джеймс

Я чувствовал, как бледнеет мое лицо.

В кабинете отца воцарилась такая тишина, что каждый из моих судорожных вдохов казался мне оглушительно громким. Я не могу описать то, что чувствовал в это мгновение – знаю только, это росло во мне годами и теперь готово было прорваться наружу.

– Папа, не может быть, чтобы ты это всерьез, – сказал я, делая шаг в кабинет.

Отец продолжал смотреть на меня, не выказывая никакого волнения.

Я кивнул на «дипломат»:

– Тебе мало того, что ты сослал Лидию к Офелии?

Теперь кровь, наоборот, прилила к лицу. И к желудку. И понеслась по венам. Мне стало жарко. Казалось, все вокруг начало кружиться – все, кроме моего отца. Я стиснул кулаки, но чувствовал, как они дрожат. Дрожь пробирала меня до костей. Накопившаяся злость распирала изнутри, я еле держался на ногах.

– Ты думаешь, что можешь выложить на стол кучу денег – и он навсегда исчезнет из жизни Лидии? Ты действительно думаешь, что это сработает?

– Прекрати мелодраматическое выступление и закрой за собой дверь. – Не сводя с меня глаз, отец захлопнул «дипломат» с деньгами. И снова повернулся к Саттону: – Подумайте об этом еще раз.

– Мне нечего об этом думать. Если вы вызвали меня для того, чтобы шантажировать, то выбрали не того человека. – Саттон коротко кивнул отцу: – Хорошего дня.

Он развернулся и пошел к выходу. Поравнявшись со мной, Саттон замедлил шаг, и мне показалось, что он хотел что-то сказать. Но потом он просто выдохнул, тряхнул головой и вышел за дверь. Она громко захлопнулась за ним.

Я не мог сдвинуться с места.

Отец же наоборот: снял «дипломат» со стола, поставил его на пол около себя и уселся перед компьютером.

Как ни в чем не бывало.

Ярость во мне разрасталась, охватывая все неодолимее. Я больше не мог ее сдерживать, да и не хотел – после того, что здесь увидел.

Ты думаешь, он когда-нибудь изменится? – звучали в голове слова Руби.

Ответ я знал. Я знал его всегда. Только не хотел его признавать.

И вдруг я понял, что означает весь этот огонь внутри меня.

Все последние годы я из кожи вон лез, чтобы угодить отцу. Я думал о будущем – но не своем. Его мысли стали моими мыслями. Я просто принимал их как данность. Но теперь с этим покончено.

Я не хочу быть человеком, который любой ценой добивается своего и идет по жизни, не обращая внимания на потери. Я всегда считал, что у меня нет выбора. Но последние месяцы показали, как непредсказуема жизнь. Они показали, что и у меня есть то, за что стоит бороться. И они пробудили во мне то, чего прежде я не ощущал: мужество.

Мужество сделать что-то для себя.

Мужество взять наконец ответственность за свою жизнь в собственные руки.

Мужество противостоять отцу.

– Довольно. – Я не мог поверить, как спокойно это прозвучало.

– Что? – рассеянно переспросил отец. Он что-то печатал на клавиатуре и толком даже не взглянул на меня.

Я широким шагом пересек кабинет и остановился перед его письменным столом. Только теперь отец оторвал взгляд от экрана.

Я поднял руку и дотронулся до перстня с печаткой на левом безымянном пальце. Кольцо, которое я всегда надевал на совещания в «Бофорт». Как символ того, что являюсь частью семьи. Семьи, которую мы с отцом разыгрывали перед всеми. Я медленно снял кольцо и взвесил его на ладони. Оно не было тяжелым, но вместе с тем ощущалось так, будто я держал в руках всю тяжесть, которая грозила раздавить меня все прошедшие восемнадцать лет.

– Я пытался, папа, – сказал я. – Я правда пытался быть хорошим сыном. Чтобы ты и мама могли гордиться мной. Но... – Я тряхнул головой. Мысль о маме причинила мне боль. Я не знал, разочаровалась бы она во мне, если бы могла видеть меня сейчас, или нет. – Я не могу так больше.

Я положил кольцо на письменный стол перед отцом, не сводя глаз с его лица.

– Я продам мою долю в «Бофорт». – Убирая руку, я заметил, что чувствую себя так легко, как не чувствовал еще никогда в жизни. Мне казалось, достаточно одного порыва ветра, чтобы унести мое тело отсюда в другое место, потому что все, что связывало меня с этим предприятием и с этим человеком, я наконец сбросил с себя.

Отец ничего не сказал. Лишь горько опущенные уголки рта указывали на то, что эта ситуация его не радует. Через пару секунд он снова обратился к своему компьютеру. Я выдохнул и повернулся к выходу.

– Если ты это всерьез, то домой можешь больше не возвращаться.

Я оглянулся через плечо. Я думал о своей сестре, у которой в этот момент, быть может, отнял последнюю возможность когда-нибудь вернуться из Бекдэйла. Я думал об улыбке мамы. Обо всем том, чего больше не существовало в моей жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.